ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2025 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 7 № 3

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 7 No. 3

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 7, № 3 | 2025

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:
- 5.8.1. Общая педагогика, истоия педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Клементьева Мария Валерьевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10757
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 4.65. Заказ К-1444. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	24.09.2025
Дата выхода в свет	26.09.2025

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 7 No. 3 | 2025

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:
- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:
- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Mariya V. Klementyeva

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10757
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 4.65. Order К-1444. Circulation 100 copies.
Signed in the print	24 September 2025
Date of publication	26 September 2025

Designed for children over 16 years old

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранным языкам», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г.Душанбе, Республика Таджикистан

Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Тауллановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора 7

Этнография, этнология и антропология

Научная статья

Духовная культура ойратов в эпоху династий Юань и ранней Мин 8
Б. У. Китинов, Ю. Сунь

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Основные данные о системе согласных немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым 15
Ю. В. Березина, В. Н. Оношко, Ю. С. Жилина, Д. Е. Войтов, О. В. Скурихина

Чувашеобусловленные фамилии как маркер чебоксарского регионолекта русского языка 23
Э. В. Фомин

Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду) 29
А. И. Яковлев

Этнокультурные проблемы образования

Научная статья

Проблемы обучения родному языку современных детей эвенов 37
Ю. А. Слепцов

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Article

Spiritual Culture of the Oirats in the Yuan and Early Ming Dynasties 8
Baatr U. Kitinov, Iue Sun

World languages and literature

Research Articles

The Main Data about the Consonant System of the Low German Dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol Region of the Crimean Peninsula 15
Yulia V. Berezina, Viacheslav N. Onoshko, Yulia S. Zhilina, Denis E. Voytov, Olga V. Skurikhina

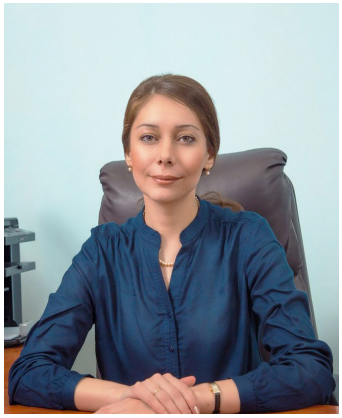
Chuvash-Determined Surnames as a Marker of the Cheboksary Regiolect of the Russian Language 23
Eduard V. Fomin

Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo) 29
Artem I. Yakovle

Ethno-Cultural Problems of Education

Research Article

Problems of Teaching the Native Language to Even Children 37
Yuri A. Sleptsov



Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья Б. У. Китинова и Ю. Сунь «Духовная культура ойратов в эпоху династий Юань и ранней Мин», в которой последовательно рассматривается история раннего этапа распространения буддизма у ойратов и его взаимодействия с другими религиями и верованиями.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья авторов Ю. В. Березиной, В. Н. Оношко, Ю. С. Жилиной, Д. Е. Войтова, О. В. Скурихиной «Основные данные о системе согласных немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым». Статья представляет интерес для лингвистов, занимающихся вопросами языковых контактов и фонологии, а также изучающих языковую идентичность и динамику этнических языковых анклавов. Представленные данные имеют ценность как архивный и культурологический материал, особенно с учетом численного сокращения носителей языка и риска его исчезновения.

Статья А. И. Яковлева «Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду)», раскрывает особенности авторского стиля и мировоззрения писательницы, а также содержит подробный и научно обоснованный анализ переводческих решений на разных уровнях: грамматическом, семантическом, лексическом и т. д.

В разделе «Этнокультурные проблемы образования» размещена статья Ю. А. Слепцова «Проблемы обучения родному языку современных детей эвенов» Работа является обобщением авторского педагогического опыта и вносит вклад в этнопедагогику малых народов.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear authors and readers!

The next issue of our magazine contains articles on various issues of history, language, culture and education.

The section "Ethnography, Ethnology and Anthropology" contains an article by B. U. Kitinov and Y. Sun "Spiritual Culture of the Oirats in the Yuan and Early Ming Dynasties", which consistently examines the history of the early stage of the spread of Buddhism among the Oirats and its interaction with other religions and beliefs.

The section "World languages and literature" contains an article by Yu. V. Berezina, V. N. Onoshko, Yu. S. Zhilina, D. E. Voitova, O. V. Skurikhina "The main data about the consonant system of the Low German dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol region of the Crimean Peninsul". The article is of interest to linguists dealing with issues of language contacts and phonology, as well as those studying linguistic identity and the dynamics of ethnic linguistic enclaves. The presented data is valuable as archival and cultural material, especially given the numerical decline of native speakers and the risk of its disappearance.

A. I. Yakovlev's article "Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo)" reveals the features of the author's style and worldview of the writer, and also contains a detailed and scientifically based analysis of translation solutions at different levels: grammatical, semantic, lexical, etc.

The section "Ethno-Cultural Problems of Education" contains Yu.A. Sleptsov's article "Problems of Teaching the Native Language to Even Children". The work is a generalization of the author's pedagogical experience and contributes to the ethnopedagogy of small nations.

The editors and the editorial board would like to express their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion on the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the leadership of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-138803
УДК [316.722(517.3) + 24(517.3)]:94(510).05/.06

Духовная культура ойратов в эпоху династий Юань и ранней Мин

Китинов Б. У.[1,a], **Сунь Ю.**[2,b]
[1]Институт востоковедения Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
[2]Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0003-4031-5667, e-mail: kitinov@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0001-9804-2895, e-mail: 793935997@qq.com

Резюме. Настоящая статья посвящена исследованию духовной культуры ойратов в контексте крупных исторических трансформаций, происходивших в эпоху династий Юань и ранней Мин. Авторы кратко рассматривают смену религиозных воззрений ойратов — от шаманизма, господствовавшего в домонгольский период, к постепенному принятию буддизма в результате миграций и контактов с иными культурами. Ойраты создали богатую культуру, которая включает эпическое наследие и совокупность мифолого-религиозных представлений. В статье прослеживается роль политических и культурных факторов, включая участие ойратов в завоевательной политике Чингисхана, их интеграцию в культурную систему Монгольской империи, а также дальнейшее возвышение ойратских правителей в эпоху Мин. Внимание также уделяется укреплению буддизма, которое стало закрепляться при Тогоне и превратилось в государственную религию при Эсене. Более того, Эсен имел при себе высокопоставленных буддийских монахов в ранге государственных наставников, что подтверждает ориентацию идеологической жизни государства на укрепление отношений с династией Мин. Источники подтверждают активные дипломатические контакты ойратов с минским Китаем. Принятие буддизма ойратами сыграло решающую роль в сохранении их этнокультурной целостности и способствовала консолидации народа в условиях межэтнических взаимодействий.

Ключевые слова: ойраты, династия Юань, ранняя династия Мин, буддизм, культура.

Для цитирования: Китинов Б. У. Духовная культура ойратов в эпоху династий Юань и ранней Мин / Б. У. Китинов, Юе. Сунь // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 8-14. DOI 10.31483/r-138803. EDN FRNCUY

Research Article

Spiritual Culture of the Oirats in the Yuan and Early Ming Dynasties

Baatr U. Kitinov[1,a], **Iue Sun**[2,b]
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russian Federation.
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0003-4031-5667, e-mail: kitinov@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0001-9804-2895, e-mail: 793935997@qq.com

Abstract. This article explores the spiritual culture of the Oirats against the backdrop of major historical transformations during the Yuan and early Ming dynasties. The authors briefly examine the shift in the Oirats religious beliefs from the shamanism that prevailed in the pre-Mongol period to the gradual adoption of Buddhism through migration and contact with other cultures. Our research reveals that the Oirats developed a rich culture encompassing an epic heritage and a body of mythological and religious concepts. The article traces the role of political and cultural factors, including the participation of the Oirats in the conquest policy of Genghis Khan, their integration into the cultural system of the Mongol Empire, as well as the further rise of Oirat rulers in the Ming era. Attention is also given to the consolidation of Buddhism, which began to take hold under Toghon and became the state religion under Esen. Moreover, Esen employed high-ranking Buddhist monks in the capacity of state preceptors, underscoring the alignment of the nations ideological framework with the strengthening of relations with the Ming dynasty. Historical sources confirm active diplomatic exchanges between the Oirats and Ming China. It is concluded that the Oirats'adoption of Buddhism played a decisive role in preserving their ethno-cultural integrity and fostering unity amidst interethnic interactions.

Keywords: culture, Oirats, Yuan Dynasty, early Ming Dynasty, Buddhism.

For citation: Kitinov B. U., & Sun I. (2025). Spiritual Culture of the Oirats in the Yuan and Early Ming Dynasties. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, *7*(3), 8-14. EDN: FRNCUY. https://doi.org/10.31483/r-138803

Введение

История ойратов является важной частью истории монгольских народов, они оставили глубокий исторический след в развитии монгольской духовной культуры. Результаты исследований подтверждают значение для культурного развития ойратов как их традиций, так и влияния на них культурных достижений соседних народов и стран.

Изучение истории и связанной с ней духовной культуры ойратов ранней эпохи (периода первых монгольских правителей), а также периодов императоров династии Юань и ранней Мин, способствует пополнению и сохранению знаний о культуре монгольских народов, проживающих в настоящее время на территории Российской Федерации (калмыков, бурят), а также в Монголии и китайских провинциях Синьцзян-Уйгурского автономного района, Ганьсу и Внутренней Монголии.

CC BY

Материал и методы исследования

Материалом настоящего исследования послужили китайские источники, в той или иной мере касающиеся истории ойратов.

Методы исследований – проблемно-хронологический, историко-сравнительный на основе системного подхода. Данной подход позволяет провести перекрестный анализ показателей одного уровня (событий и фактов в их изложении в трудах специалистов) с данными источников, которые также сопоставлялись между собой. Полученные результаты способствуют составлению системного представления о духовной культуре ойратов в рассматриваемое время.

Результаты исследования и их обсуждение

Отношения между ойратами и монгольскими правителями во времена монгольской экспансии и династии Юань. В начале XIII в. ойраты подчинились монголам, объединившимся под предводительством Чингисхана. В тот период ойраты обитали в Южной Сибири. Согласно Рашид ад-Дину, они занимали местность Секиз-мурен (Восьмиречье)[1], которую обычно связывают с верховьями р. Енисей и территорией современной Тывы. Кроме того, ойратов также относят к народам, проживающим в нижнем течении р. Селенги, вблизи озера Байкал, в местности Баргуджин-Токум (巴儿忽真脱窟木) [黑龙, 2020, с. 1].

В китайских исторических записях о монгольских правителях и династии Юань слово *ойрат* транслитерировалось как *во-и-ла-ти* (斡亦剌惕). Есть два наиболее распространенных объяснения происхождению этого слова: 1) производное от *Oi-yin irgen* (槐因亦儿坚) 'лесные люди' (林木中的百姓); 2) *Oira arad* 'близко' (亲近者), 'рядом' (临近者), 'союзный' (联合者), 'альянс' (同盟者) [黑龙, 2020, с. 1]. Сторонником первого мнения был Д. Банзаров[2]. Про второе Н. Я. Бичурин писал, что слово *ойрат* значит союзный, ближний, союзник[3]. Третий вариант толкования по-своему уникальный, про него писали Г. И. Рамстедт и В. И. Рассадин. Ими слово *ойрат* выводится из тюркского *огуз* 'племя, объединение племен', т. е. *огуз* – это тюркский вариант этнонима *ойрат*[4].

К лесным людям относили ойратов, урянхайцев, туматов, баргут и др. У Рашид-ад-дина как лесные племена (народы) упоминаются кори, баргут и тумат, обитавшие в пределах Баргуджин-тукум[5]. Ойратов было много: «эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название [в связи] с таким распределением...»[6].

Отношения между ойратами и монголами, возглавляемыми Тэмуджином, установились в самом начале XIII в. Одиннадцать народов, включая ойратов и унгиратов, собрались в местности у р. Орхон (阿雷泉), чтобы обсудить разгром войск Тэмуджина, однако потерпели поражение в районе озера Буйр-Нуур (捕鱼儿海子), а впоследствии еще трижды были разбиты Тэмуджином[7].

В 1206 г. Тэмуджин стал Чингисханом (Великим ханом Монголии) и начал покорять соседние народы. Ойратский лидер Худуха-беки возглавил ойратские народы, подчинившиеся Великому Чингисхану. В книге японской исследовательницы М. Дзюнко «Последняя кочевая империя: Расцвет и падение Джунгарского ханства» указано время, когда Худуха-беки сдался монгольскому хану Тэмуджину: «В 1208 году Чингисхан двинулся к реке Иртыш. По пути вождь ойратов Худуха-беки пришел сдаться Чингисхану и послал войска, чтобы помочь завоевать Кучлука (古出鲁克) и Тохто-беки (脱黑台). После этого вождь ойратов Худуха-беки пользовался доверием и служил министром Чингисхана в качестве предводителя четырех тысяч дворов»[8]. В китайском переводе книги «Сокровенное сказание монголов» записано: «В год Зайца (1207) Джучи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Прежде всех явился с выражением покорности ойратский Худуха-беки, со своими тумен-ойратами привел войско Джучи в местность Шихшит. Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Джучи подступил к тумен-киргизам»[9]. Таким образом, Худуха-беки сэкономил Чингисхану силы и время, необходимые для объединения Монголии. С его помощью Джучи покорил большую часть лесных народов, за что Чингисхан похвалил Худуха-беки. Он не только наградил тысячи ойратов, но и заключил с ними династические браки. По подсчетам китайской исследовательницы Б. Цуйцинь, изложенным в монографии «История ойратов», шестнадцать принцесс и дочерей из рода Чингисхана вышли замуж за предводителей ойратов. Например, дочь Чингисхана Чечейген вышла замуж за старшего сына Худуха-беки Торельчи; дочь Джучи Хуолей – за Иналчи, а Ян Тимур, дочь Тулуя, – за Баерсибухуа и т. д. Кроме того, двенадцать женщин из ойратской знати стали женами и наложницами в семьях Чингисхана[10]. Таким образом, после того как Худуха-беки сдался Чингисхану, ойраты постепенно влились в состав монгольских войск и окружения Чингисхана. Ойратская политика, экономика и культура оказались под влиянием Монголии и продолжали непрерывно развиваться[11].

[1] Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. Том 1. С. 118.

[2] Банзаров Д. Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Дорджи Банзарова. Санкт-Петербург, 1891. С. 129.

[3] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е издание. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 20.

[4] Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойрат // Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Санкт-Петербург : Типография В.У. Киршбаума. 1909. Том 34. С. 323.

[5] Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Указанное сочинение. С. 156.

[6] Там же. С. 118.

[7] 高文德. 中国少数民族史大辞典. 长春: 吉林教育出版社, 1995年, 1239页. Перевод заглавия : Большой словарь по истории национальных меньшинств Китая.

[8] 宫脇淳子. 最后的游牧帝国-准噶尔部的兴亡. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 2005年, 55页. Перевод заглавия : Последняя кочевая империя: Расцвет и падение Джунгарского ханства.

[9] 余大钧. 蒙古秘史.石家庄: 河北人民出版社, 2001年, 394页. Перевод заглавия : Сокровенное сказание монголов.

10 白翠琴. 瓦剌史.桂林: 广西师范大学出版社, 2006年, 10页. Перевод заглавия : История Вала.

[11] 文化.卫拉特蒙古文化变迁的特点及其当代启迪 // 兰州学刊, 2008年, 184页. Перевод заглавия : Особенности трансформации культуры ойрат-монголов и ее современное значение.

CC BY

После кончины Чингисхана часть ойратов присоединилась к династии Юань, основанной Хубилаем, внуком Чингисхана, и приняла участие в сражениях между Ариг-Бугой, братом Хубилая и претендентом на монгольский престол, и другими вождями, оспаривавшими власть Хубилая.

Некоторые ойраты последовали за Хулагу, братом Хубилая, в Персию, другие остались на верховьях Енисея, а часть откочевала вдоль р. Черный Иртыш. Из-за географических факторов ойраты оказались под влиянием других культур. Позже некоторые из них испытали серьезные социальные и культурные изменения, такие как исламизация и тюркизация.

Бука Тимур возглавил армию ойратов и последовал за Хулагу в Персию. Во времена Газан-ильхана из-за восстания под предводительством нойона Талхая в 1295 г. некоторые представители ойратов переселились в Сирию. Поскольку их религиозные убеждения не соответствовали исламу, их вожди были убиты, а народ переселен на средиземноморское побережье Сирии. Там многие из них погибли. Сирийцы воспитывали их сыновей, выдавали своих дочерей замуж за ойратов, а воинов распределяли по разным армиям. В результате все они впоследствии приняли ислам[12].

В армиях Ариг-Буги и его союзника Хайду также было много ойратов. Когда Хайду восстал против Хубилай-хана, в восстании участвовало множество представителей этого народа.

После разгрома Ариг-Буги и Хайду ойраты постепенно мигрировали на территории Ильханата, Чагатайского ханства и Золотой Орды (金帐汗国). Эти государственные образования вскоре подверглись исламизации, что оказало значительное влияние на проживавших там ойратов.

Историческое развитие ойратов оказалось тесно связано со структурными изменениями в обществе, вызванными их подчинением Чингисхану, последующей миграцией на новые земли и влиянием на них вновь обретенными окружающей средой и народами. После создания Монгольской империи они продолжали добиваться успехов в своих военных экспедициях в составе войск чингизидов.

Духовное разнообразие у ойратов. По имеющимся сведениям, лесные и степные народы изучаемого региона в XII в. имели общую культуру. Рашид-ад-дин писал в отношении ойратского языка: «[хотя] их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен»[13]. Еще одним общим началом было наличие у них шаманизма.

Ранние ойраты разделяли общие религиозные убеждения. В отличие от своих соседей – найманов, кереитов и других народов, в основном уверовавших в несторианство, лесные люди и большая часть монголов следовали шаманизму. Древние ойраты уважали и чтили природу.

Шаманизм – это одна из ранних форм духовности, ориентированная на одухотворение природы. Ойраты верили, что все сущее обладает своим духом. Они считали солнце, луну, горы, реки, землю и т. п. наделенными особой силой, а небо имело высшую власть принятия решений и влияло на судьбы людей и верховного правителя. Они совершали жертвоприношения огню, животным-тотемам (о ранних религиозных практиках монголов см. работы В. Хейссига[14], Гильом д. Рубрука[15], Дж. Д. Плано Карпини[16]).

Шаманы играли у ойратов большую роль, занимая руководящие позиции. В частности, их лидером был Худуха, носивший титул беки. Силу Худуха-беки монголы испытали в 1201 г., когда Худуха-беки и его союзник найманский Буирух использовали магические возможности во время столкновения с войском Тэмуджина. В «Сокровенном сказании монголов» отмечено, что «эти самые Хуируд и Худуха могут волшебством вызвать ненастье». Бой длился недолго, после чего ойраты и их союзники вернулись к себе[17].

Титул беки (бики) подчеркивал большое значение духовного фактора, а также указывал на место предводителя в иерархии общественно-политических отношений внутри ойратского общества. В. В. Бартольд писал, что «беки обозначало первосвященника, высший религиозный авторитет... Слово “бики” встречается в титулах некоторых государей, например меркитского и ойратского»[18]. В своей статье о Чингисхане Б. Я. Владимирцов отмечал, что «лидеры с таким титулом совмещали светскую власть князя и духовный авторитет волхва, связанного с былым родоначальником и с духами-покровителями»[19]. Слово *беки* у монголов могло быть титулом руководителя. Подтверждение обнаруживается в речи Чингисхана, обращенной к старцу Усуну: «По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан – беки… Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки – старец Усун. По возведении его в сан беки пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!»[20].

По причине общих религиозных, культурных верований и обычаев, единой политической власти объединение различных монгольских народов Чингисханом ускорилось. В этом контексте ойраты получили преи-

[12] Irwin R. “Futuwwa”: Chivalry and Gangsterism in Medieval Cairo. URL: http://www.jstor.org/stable/1523352 (дата обращения : 12.08.2024).

[13] Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. Том 1. С. 118.

[14] Heissig W. The Religions of Mongolia. London : Routledge & Kegan Paul, 1980. P. 158.

[15] Рубрук Г. Д. Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. Москва : Мысль, 1997. С.124–127.

[16] Карпини Дж. д. П. История монгалов // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 35-39.

[17] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. «Юань чао би ши». Москва–Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 143–144.

[18] Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Москва : Наука, 1963. Том 1. С. 458–459.

[19] Владимирцов Б. Я. Чингис-хан // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. Москва : Восточная литература, 2002. С. 173.

[20] Козин С. А. Сокровенное сказание : Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol un niruča tobèj an. Юань чао би ши : Монгольский обыденный сборник. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук, 1941. Том 1. С. 216.

CC BY

мущество: они «вышли из леса» и сохранили управление своей родовой территорией и окружающими народами. Ойраты перешли от жизни лесных племен к кочевой жизни на равнинах, изменили образ жизни и сблизились с культурной жизнью монголов во времена монгольской Юаньской династии, быстро интегрировались в монгольское культурное пространство. Так ойратская духовная культура оказалась под воздействием монгольской.

Монголы так же следовали шаманизму, как и ойраты. Джувейни в отношении религиозных предпочтений Чингисхана писал, что тот «не был приверженцем какой-либо веры и не следовал никакому исповеданию, он не проявлял нетерпимости и предпочтения одной религии другой и не превозносил одних над другими… И так же, как он с почтением взирал на мусульман, так миловал христиан и идолопоклонников. И дети, и внуки его, по нескольку человек, выбрали себе веру по своей склонности»[21]. Вероятно, Чингисхан сохранял свою приверженность шаманизму: «Чингисхан был шаманистом. Но он и его последователи поддерживали связи с ламами, писали им»[22].

После подчинения тангутского государства Си-Ся и затем Тибета, ойраты и монголы вошли в тесный контакт с буддийской тибетской культурой. Сказанное не означает, что буддизм не был ранее известен ойратам, однако проникновение к ним тибетского буддизма существенно ускорило укрепление этой религией своих позиций у монгольских народов.

К середине XIII в. установились отношения наставника и ученика между монгольскими правителями, с одной стороны, и подшколами тибетского учения Кагью, а также Сакья, с другой[23]. Монголов привлекали в том числе и сверхъестественные способности лам. Согласно отдельным источникам, тибетские ламы школы Сакья соревновались в демонстрации магической силы с шаманами при дворе Юань[24]. Эти особые силы, по-видимому, были тесно связаны с медицинскими знаниями лам – фактор, который также мог привести их к конфронтации с монгольскими шаманами. Таким образом, ойраты начали переходить от своей ранней веры – шаманизма – к буддизму.

В улусе Джучи, известном также как Золотая Орда, и в улусе Чагатая (Мавераннахр) народы следовали и буддизму, и исламу. Были среди них и шаманисты. Например, джучид Токтатай (годы правления – 1291–1313), по свидетельству Эльбирзали (1265–1340) «был неверным, (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т. е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедания, но более других уважал мусульман»[25]. Ситуация изменилась после его смерти, когда у власти оказался его племянник Узбек-хан, при котором в 1313–1341 гг. ислам стал основной религией Золотой Орды.

Перекрестные браки с окрестными народами также являются одной из причин, влияющих на культурное разнообразие ойратов. Поэтому большая часть исконных ойратов во времена Чингисхана и его первых преемников постепенно слилась с иными народами и находилась под влиянием культуры и образа жизни окружающих народов, а некоторые из них и вовсе оказались ассимилированными соседями.

Такое имело место у ойратов в Иране, когда принятие ими ислама становилось важным в стремлении стать своим среди мусульманского окружения, что способствовало потере черт прежней идентичности – шаманистских и буддийских обрядов, ритуалов, образа жизни. И. Ланда пишет, что «различные слои ойратского племени… ассимилировались в разные периоды по-разному и с разной скоростью, в зависимости от вариативных факторов, действовавших в качестве импульсов в этих процессах в Иль-ханстве и в мамлюкском Султанате»[26].

Таким образом, у ойратов авторитет шаманов постепенно падал. В. В. Бартольд увязывает этот процесс «с переходом от охотничьего быта к кочевому… влияние шаманов не может не падать, когда в народе развивается воинственность и привычка полагаться на силу оружия»[27]. Следовательно, важным результатом культурной трансформации ойратов в Юаньский период стало постепенное исчезновение шаманов, потеря ойратскими лидерами своих прежних духовных функций и проникновение к ним мировых религий.

Особенности развития ойратской культуры при ранней династии Мин. В 1368 г. власть монгольской династии Юань пала, и на китайский трон взошла китайская (ханьская) династия Мин. Уже с начала XV в. ойраты стали заявлять о себе как о силе, способной стать ведущей в Монголии. Тем самым они противопоставили себя чингисидам, которым пришлось бороться и с ойратами, и с минскими войсками.

В 1410 г. император разбил монгольских правителей Буяншири и Аруктая. Вскоре ойратский лидер Махаму убил Буяншири и поставил ханом Далибу (Далбега), а Аруктай подчинился императору и в 1413 г. получил титул принца Хонина (Каракорума)[28]. После этого он постоянно воевал с Махаму, которому не понравилось, что император дал тому титул. Император собрал войска и в 1414 г. разбил на этот раз самого Махаму, преследуя его до р. Тола. Еще через два года Аруктай снова разбил ва-ла (瓦剌), т. е. ойратов.

[21] Джувейни Ала-ад-дин. Чингисхан. История завоевателя мира / перевод текста с английского на русский язык Е. Е. Харитоновой. Москва : Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. С. 20.
[22] Howorth H. History of the Mongols from the IX-th to the XIX-th Century. Part l. The Mongols proper and the Kalmuks. London, 1876. P. 506.
[23] Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / перевод с тибетского языка, предисловие, комментарии Р. Е. Пубаева. Москва : Наука, 1991. С. 40.
[24] Heissig W. Указанное сочинение. С. 24–36.
[25] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1884. С. 174.
[26] Landa I. Oirats in the Ilkhanate and the Mamluk Sultanate in the Thirteenth to the Early Fifteenth Centuries: Two Cases of Assimilation into the Muslim Environment // Mamluk Studies Review. 2016. Volume 19. P. 149.
[27] Бартольд В. В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов // Бартольд В. В. Сочинения. Том 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Москва : Наука, 1968. С. 471.
[28] Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic sources. London, 1888. Volume 1–2. P. 164.

CC BY

После смерти Махаму в 1418 г. его сыну Тогону императором передается отцовский титул shun ning wan[29]. В 1423 г. император двинулся против Аруттая, но того уже разбил Тогон, и Аруттай бежал к р. Ляо (Южная Маньчжурия). В 1434 г. Тогон снова разбил его и подчинил себе его людей. К тому времени Тогон убил двух других лидеров ойратов и таким образом подчинил себе всех ойратов. В 1438 г. он хотел занять монгольский трон, но люди не согласились, и трон занял Тогто-буха, приемный сын Тогона, потомок Тогон-Тэмура, последнего юаньского императора. Тогон стал первым министром. В 1440 г. он умер, и его сын Эсэн занял его позицию с титулом тайши.

Религиозные верования ойратов подверглись дальнейшему развитию. Тогон и Эсэн придавали большое значение буддизму, в частности, тибетскому. Они не только разрешали ламам проводить религиозные церемонии на своих землях, но и отправляли лам в качестве посланников ойратов ко двору Мин. По примеру традиций династий Юань и Мин, они относились к тибетским ламам как к государственным наставникам. Этот момент тем более был важен, поскольку ойраты стали кочевать в регионе, известном как Калмак (северная часть Могулистана)[30], и соседи-мусульмане стали звать их калмаками. Стараясь не оказаться под влиянием ислама, ойратские правители стали поддерживать буддизм.

В первой трети XV в. посольства от ойратов просили у минских правителей буддийские культовые предметы, сакральные предметы и книги[31]. Например, в 1438 г. ойратские ламы получили от императорского двора монашеские одеяния и принадлежности. Согласно Г. Серрайсу, если такого рода предметы и иные принадлежности дарили ойратам в виде подарков, то, конечно, их можно было и купить[32]. В отношении событий в 1446 г. в «Мин Инцзун Ши Лу» отмечено: «7 февраля 1446 г. Верховный тайши ойратов Эсэн (也先) направил ко двору с данью «Государственного наставника буддизма» (灌顶国师) Ламу Чаньцюаня (剌麻禅全), который в совершенстве владеет учением Будды. [Он] просит пожаловать ему высокий титул, серебряную печать, золотом шитую [одежду], монашеское облачение (袈裟), а также необходимые для буддийских [ритуалов] предметы: изображения Пяти Будд (五方佛), ритуальные колокольчик и ваджру (铃杵), тарелки и барабаны (铙钹), украшения (缨络), ритуальную раковину (海螺), подношения для заклинаний (咒施) и ритуальную пищу (法食)»[33].

В записи от 1452 г. упоминается государственный наставник Эсэна лама Сангдаг-шри, и другие буддийские священники[34], Д. Кара называет имена лам Саманда-шри и Цзяшилинчжэн, входивших в ближайшее окружение Эсэна[35]. Ш. Джагчид отмечает разнообразную деятельность лам и специально отмечает, что «могли быть и другие ламы, которые не привлекались к политике, но были заняты своей святой работой как священники и проповедники Закона Будды». В период династии Мин информация о распространении и развитии буддизма у монгольских народов имеет отношение только к ойратам[36].

Эсэн поклонялся Будде и высоко чтил монахов. В частности, такая известная работа, как «Шастра, проповеданная хаганом-чакравартином», была переведена на монгольский язык по распоряжению Эсэна, поскольку «обращение к древним “настольным книгам” монгольских и тибетских правителей понадобилось ему для идеологического обоснования своей власти»[37].

Культура ойратов также находилась под определенным влиянием двора Мин. В частности, в ответ на подношение дани император Мин даровал ойратским посланникам одежду и музыкальные инструменты. В «Истинных записях императора Сяоцзуна» династии Мин записано, что в ответ на прибытие с данью и прошением о пожаловании должности послу Амкебухе и остальным от малолетнего князя северных земель (Даян-хана), а также послу Цаца и остальным от тайши ойратов (Ибрагима-тайши), всего 48 человек, было повелено послам первого ранга без должностей пожаловать звание командующего, заместителям послов – звание помощника командующего, послам второго ранга – звание заместителя тысяцкого, послам третьего ранга – звание сотника, имевшим должности – повысить на один ранг. Всем устроили пир, даровали головные уборы, пояса, жалованные грамоты и направили указы, а малолетнему князю и тайши, кроме того, пожаловали расшитые драконами одежды, головные уборы с красными кистями, пипы, походные шатры и другие дары[38].

Из приведенного списка интерес вызывает упоминание о головных уборах с красными кистями. Согласно Б. У. Китинову, такие кисти (улан зала) были законодательно утверждены у ойратов ввиду необходимости наличия особого внешнего маркера, позволявшего отличать ойратов от представителей иных народов, проживавших в Калмаке. Далее он отмечает: «Эсэн вполне мог утвердить красную кисть (удлиненную) для своего окружения именно как атрибут централизованной хаганской власти. После распада его государственного образования в середине XV в. и под влиянием последовавшей борьбы претендентов на лидерство в ойратском мире практика ношения длинной кисти красного цвета как формального признака присутствия центральной (ханской) власти в кратчайшие сроки распространилась у этих кочевников (среди претендентов на власть)» [Китинов, 2024, с. 139–140].

[29] Bretschneider E. Указанное сочинение. С. 164.
[30] Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2018. № 3. С. 270–281.
[31] Levathes L. When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405–1433. New York : Simon and Schuster, 1994. P. 187.
[32] Serruys H. Sino-mongol Trade During the Ming // Journal of Asian History. 1975. Volume 9, № 1. P. 44.
[33] 明英宗实录.中央研究院历史语言研究所校勘. 2722页 . Перевод заглавия : Мин Инцзун Ши Лу.
[34] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1971. № 2. P. 52.
[35] Кара Д. Книги монгольских кочевников. Москва : ГРВЛ, 1972. С. 36.
[36] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies. 1971. № 2. P. 52–53.
[37] Балданжапов П. Б., Ванчикова Ц. П. Čaγan teüke — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XIV вв. Улан-Удэ : Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2001. С. 117.
[38] 明孝宗实录.中央研究院历史语言研究所校勘.788 页. Перевод заглавия : Мин Сяоцзун Ши Лу.

CC BY

Согласно общемонгольскому праву, только чингизиды могли править над народом. Эсэн не был чингизидом, поэтому в своих притязаниях на власть над всеми монгольскими народами решил обратиться в буддизм. Согласно Й. Элверскогу, буддизм при Эсэне получил полную государственную поддержку и фактически стал государственной религией в государстве ойратов.

Кроме того, в тот же минский период на землях, соседствовавших с ойратскими, продолжал развиваться ислам. В первую очередь это касается Могулистана – территории, в разные времена подвластные ойратам и где буддизм имел давнюю историю пребывания. В то время религиозные верования ойратов имели разнообразные характеристики.

Возможно, у ойратов отдельные группы стали последователями христианства (несторианства), что произошло во многом благодаря их контактам с найманами и кереитами. У найманов были распространены буддизм и несторианство[39]. В отношении кереитов Рашид-ад-Дин отмечал: «До них [кереитов] дошел призыв Иисуса, – мир ему! – и они вступили в его веру»[40]. И. де Рахевильц отмечал, что кереиты и найманы практиковали религиозную смесь из несторианства и шаманизма[41].

Таким образом, влияние различных культур в эпоху Мин способствовало взаимодействию ойратской культуры с культурами других этнических групп и народов, что объективно способствовало ее развитию. Благодаря буддизму ойратам стали доступны не только труды по буддийской философии, но также культурные достижения Китая и Тибета, а торговля закрепила отношения между народами.

Выводы

К периоду начала монгольских завоеваний у ойратов, как и у восточных монголов, преобладали шаманистские представления. С переселением лесных народов (ойратов) в южные горностепные регионы и трансформацией их традиционного быта в кочевой роль шаманов начала постепенно снижаться. Экономика перешла от охотничьего уклада к кочевому образу жизни, что существенно повлияло на трансформацию ойратской культуры. Бытовые обычаи ойратов постепенно сблизились с обычаями монголов. С социальными и династическими изменениями, с проникновением чужеродных элементов некоторые черты их духовной культуры либо ослабли, либо усилились.

Наладив отношения с монгольским ханом и знатью, ойраты активно включились в процесс объединения народов под властью Чингисхана. Их участие в военных кампаниях и междоусобной борьбе монгольских правящих кланов позволило им значительно укрепить свои политические позиции. Это, в свою очередь, способствовало интеграции и развитию не только собственной ойратской культуры, но и обогащению общемонгольской культуры.

Общая численность ойратов в период Худуха-беки продолжала расти. Однако по мере их миграции по монгольским ханствам и постоянного влияния различных культур, они оказались на грани распада. Последующее пребывание ойратов в составе империи Юань повлияло на внедрение буддизма в их культурно-духовную среду, в целом сыграло положительную роль – во-первых, произошло падение влияния шаманов; во-вторых, эти процессы повлияли на объединие ойратского народа и удержание его от распада и исчезновения.

В начале правления династии Мин ойраты снова возродились на северо-западе империи и даже получили политическую власть над всей Монголией. Их статус и роль в политической жизни Монголии становились все более значимыми, а духовная культура укреплялась, что также повлияло на развитие всей монгольской культуры.

В эпоху ранней династии Мин ойратский лидер Тогон смог объединить ойратов. В период правления его сына Эсена власть ойратов достигла своего пика, их экономика и культура быстро развивались. Ойраты оказались под культурным влиянием соседей, в том числе минского Китая, Могулистана и Тибета, из-за чего в их среде законодательно была закреплена необходимость иметь особое навершие на головном уборе – улан зала (красная кисть) – вначале как этнический маркер, позже – как религиозный, как показатель следования буддизму. В раннюю эпоху Мин буддизм стал у ойратов официальной религией, что следует признать наиболее существенным результатом трансформации их духовной культуры.

[39] Рубрук Г. Д. Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. Москва : Мысль, 1997. С. 188–189.

[40] Рашид-ад-дин Фазль-Аллах Абу-ль-Хайр Хамадаин. Сборник летописей. Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. Том 1. С. 127.

[41] Rachewiltz I. D. Turks in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13 and 14 Century // China among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbors, 10–14 centuries / edited by M. Rossabi. Oakland : University of California Press, 1983. P. 281–310.

Список литературы

Китинов Б. У. Буддизм и религиозные деятели в истории четырех ойратов : монография. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Институт востоковедения Российской академии наук, 2024. 624 с.

Хей Л. Ойратский народ и культурная коммуникация на Великом Шелковом пути // Журнал колледжа Хэйхэ. 2020. С. 1-6.

References

Kitinov, B. U. (2024). Buddhism and religious leaders of Tibet in the history of the Four Oirats., 624.

Hei L. (2020). Oirat people and cultural communication on the Silk Road. *Journal of Heihe College,* 1-6.

CC BY

Информация об авторах

Китинов Баатр Учаевич –
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт востоковедения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4031-5667;
Scopus Author ID: 57194267178;
ResearcherID: A-6831-2017;
e-mail: kitinov_bu@mail.ru

Сунь Юе – аспирант
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9804-2895;
e-mail: 793935997@qq.com

Information about the authors

Baatr U. Kitinov – Dr. Sci. (Hist),
associate professor, leading research fellow,
Institute of Oriental Studies,
Moscow, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4031-5667;
Scopus Author ID: 57194267178;
ResearcherID: A-6831-2017;
e-mail: kitinov_bu@mail.ru

Iue Sun – postgraduate student
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-9804-2895;
e-mail: 793935997@qq.com

Поступила в редакцию 19.05.2025
Принята к публикации 06.09.2025
Опубликована 10.09.2025

Received 19 May 2025
Accepted 6 September 2025
Published 10 September 2025

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-149175
УДК 811.112.3'282.2(1-924.71)

Основные данные о системе согласных немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым

Березина Ю. В.[a], Оношко В. Н.[b], Жилина Ю. С.[c], Войтов Д. Е.[d], Скурихина О. В.[e]
Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-8153-6944, e-mail: usr11263@vyatsu.ru
[c] https://orcid.org/0000-0002-6356-2452, e-mail: zhilina.juli@gmail.com
[d] https://orcid.org/0000-0002-6276-0457, e-mail: voitov-denis@hotmail.com
[e] https://orcid.org/0000-0002-4381-5846, e-mail: felicity@mail.ru

Резюме. В статье представлено описание системы согласных нижненемецкого говора немцев-меннонитов Симферопольского района Крыма. Меннониты – последователи движения Реформации, возникшего в XVI в. на территории Нидерландов. Основателем данного религиозного учения был бывший фрисландский католический священник Менно Симонс (1496–1561), который соединил на основе своего вероучения мелкие разобщенные приходы анабаптистов. С 1789 г. по приглашению Екатерины II меннониты стали переселяться в Россию. Исследование основано на анализе устной речи представителей этнического религиозного сообщества, сохранившего родной язык в иноязычном окружении. Авторы выделяют 25 согласных фонем и подробно описывают их классификацию по артикуляционно-акустическим признакам, а также функциональную нагрузку на основе частотности использования. Особое внимание уделено специфическим чертам консонантизма, включая сохранение архаичных особенностей, характерных для нижненемецкого диалекта Plattdeutsch, а также влияние русского и верхненемецких диалектов. В результате исследования выявлены такие явления, как палатализация перед гласными переднего ряда, спирантизация смычных, веляризация [l], вокализация [r], наличие звонких согласных в абсолютном конце слова. Анализ показывает, что исследуемый говор сохраняет значительную степень архаичности, одновременно испытывая влияние контактного русского языка. Несмотря на численное сокращение носителей языка, система согласных демонстрирует устойчивость и внутреннюю логику, что делает его важным объектом для лингвистических и этнолингвистических исследований.

Ключевые слова: немцы-меннониты, нижненемецкий диалект, фонологический анализ, консонантизм, функциональная нагрузка фонем.

Для цитирования: Основные данные о системе согласных немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым / Ю. В. Березина, В. Н. Оношко, Ю. С. Жилина [и др.] // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 15-22. DOI10.31483/r-149175. EDN UWHMVD

Research Article

The Main Data about the Consonant System of the Low German Dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol Region of the Crimean Peninsula

Yulia V. Berezina[a], Viacheslav N. Onoshko[b], Yulia S. Zhilina[c], Denis E. Voytov[d], Olga V. Skurikhina[e]
Vyatka State University
Kirov, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-8153-6944, e-mail: usr11263@vyatsu.ru
[c] https://orcid.org/0000-0002-6356-2452, e-mail: zhilina.juli@gmail.com
[d] https://orcid.org/0000-0002-6276-0457, e-mail: voitov-denis@hotmail.com
[e] https://orcid.org/0000-0002-4381-5846, e-mail: felicity@mail.ru

Abstract. The article describes the consonant system of the Low German dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol region of Crimea. Mennonites are followers of the Reformation movement that emerged in the 16th century in the Netherlands. The founder of this religious teaching was former Frisian Catholic priest Menno Simons (1496–1561), who united small, disjointed congregations of Anabaptists based on his doctrine. Since 1789, at the invitation of Catherine II, Mennonites began to migrate to Russia. The study is based on an analysis of the oral speech of representatives of an ethnic religious community who retained their native language in a foreign-speaking environment. The authors identify 25 consonant phonemes and describe in detail their classification according to articulatory and acoustic characteristics, as well as the functional load based on frequency of use. Special attention is paid to the specific features of consonantism, including the preservation of archaic features characteristic of the Low German dialect Plattdeutsch, as well as the influence of Russian and High German dialects. Such phenomena as palatalization before the vowels of the front row, spirantization of the consonants, velarization [l], vocalization [r], the presence of voiced consonants at the absolute end of the word. The analysis shows that the dialect under study retains a significant degree of archaism, while simultaneously being influenced by the contact Russian language. Despite the numerical reduction of native speakers, the consonant system demonstrates stability and internal logic, which makes it an important object for linguistic and ethnolinguistic research.

Keywords: Mennonite Germans, Low German dialect, phonological analysis, consonantism, functional load of phonemes.

For citation: Berezina Y. V., Onoshko V. N., Zhilina Y. S., Voytov D. E., & Skurikhina O. V. (2025). The main data about the consonant system of the Low German dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol region of the Crimean Peninsula. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(3), 15-22. EDN: UWHMVD. https://doi.org/10.31483/r-149175

CC BY

Введение

Немцы-меннониты – это представители одного из религиозных течений анабаптистов, сложившихся в эпоху Реформации бывшим католическим священником Менно Симонсом на севере Нидерландов. Спасаясь от преследований, меннониты переселились вначале в Западную Пруссию, и прожив там не одно столетие, начали переселяться в оссийскую империю.

Все информанты являются прямыми потомками немцев-меннонитов Крыма, в частности, Симферопольского района полуострова. Они причисляют себя к этническим немцам. Как показывают материалы интервью – записи устной речи продолжительностью более двух часов, члены рассматриваемого сообщества соотносят себя и свой язык с религиозной средой – меннонитством, противопоставляя себя всему остальному сообществу немцев-переселенцев бывшего СССР. Все опрашиваемые признают Plautdietsch родным языком, который усвоен в семье и до сих пор сохраняет статус языка семьи, уровень владения которым у обследуемых немцев достаточно высок. Однако непосредственно в религиозную жизнь информанты не вовлечены, соблюдение обрядов меннонитской традиции не поддерживают. Молитвенного дома в Симферополе нет.

Вторая мировая война явилась катастрофой для всех этнических немецких регионов СССР. Немецкие национальные поселения были упразднены, а жители депортированы преимущественно в Западную Сибирь и Казахстан. В коллективной монографии под редакцией П. П. Вибе утверждается, что в «результате депортации были ликвидированы и смешаны все региональные группы этнических немцев (поволжские, причерноморские, закавказские, волынские и др.)»[1].

Симферопольские немцы-меннониты, благодаря сложившимся культурно-историческим условиям, смогли сохранить язык и культурную идентичность [Бухаров, Байкова, Обухова, 2019].

Цель данного исследования – описание и анализ основных аспектов системы согласных нижненемецкого говора немцев-меннонитов Симферопольского района Республики Крым, его артикуляционно-акустических характеристик, функциональной нагрузки и специфических черт. Работа проводится в рамках общепринятых подходов к фонологическому анализу, в том числе с использованием принципов Санкт-Петербургской фонологической школы, а также методов парадигматического и синтагматического анализа.

[1] История и этнография немцев в Сибири = Die Geschichte und Ethnographie der Deutschen in Sibirien / составитель и научный редактор П. П. Вибе. Омск : Издательство Омского государственного историко-краеведческого музея, 2009. С. 434.

Материалы и методы исследования

Исследовательским коллективом были предприняты две научные экспедиции в апрель 2018 и октябре 2021 гг. на Крымский полуостров, в частности, в г. Симферополь. Экспедиции ставили целью выявление этнических немцев-меннонитов Крыма, проживающих здесь по настоящее время и владеющих особой бесписьменной формой немецкого языка, а также фиксацию лингвистического материала на цифровые носители для дальнейшего фонетического описания особенностей говора.

Ранее крымские меннонитские поселения в свете фонологии изучались Л. Э. Найдич и Е. К. Либерт [Найдич, Либерт, 2020; Найдич, 2022]. Сведения по консонантной системе нижненемецкого диалекта, бытующего в Симферопольском районе Крыма, приводятся впервые и имеют важное значение, поскольку без научной интерпретации и архивирования данная языковая форма исчезнет без следа в ближайшее время.

В 20-х годах XX в. все немцы-меннониты, проживающие на полуострове, входили в состав Союза меннонитов Крыма, к которому в общем числе относились 47 меннонитских деревень с населением в 5500 человек[2].

К сожалению, их численность в Симферопольском районе, измеряемая в начале XX в. тысячами, в наши дни стремится к нулю. В исследовании приняло участие только четверо проживающих в Симферопольском районе Крыма немцев-меннонитов 1941, 1943, 1965, 1967 годов рождения – два поколения одной семьи, последние немцы-меннониты на территории района. Остальные представители данной этноконфессиональной группы либо утратили собственную языковую идентичность, либо переселились в страны Западной Европы в 90-е годы XX в. О немцах-меннонитах других районов Республики Крым данные отсутствуют.

Неутешительные факты подтверждает общая демографическая ситуация по всей стране. Если в 1980 г. в СССР проживало около 100 тысяч этнических меннонитов, то на начало XXI в. в России осталось около трех тысяч граждан, относящих себя к меннонитам[3].

[2] Государственный архив Алтайского края. Фонд 27. Опись 1. Дело 9605; Государственный архив Автономной Республики Крым. Фонд Р. 663. Опись 1. Дело 242. Лист 33.

[3] К 1980-м гг. в СССР проживало ок[оло] 100 тыс[яч] «этнич[еских]» М[еннонитов], около половины из них со-храняло верность меннонитству. Во 2-й пол[овины] 1980-х – 1990-х гг. подавляющее большинство М[еннонитов] переехало из СССР в Германию, Канаду, США. На нач[ачале] 21 в. в России проживает ок[оло] 3 тыс[яч] меннонитов [Мереминский, С. Г. Меннониты // Большая Российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2204577 (дата обращения : 30.07.2025).

CC BY

Материалом для исследования послужила устная речь представителей этнической группы немцев-меннонитов Симферопольского района Крымского полуострова – потомков колонистов, сохранивших родной немецкий язык. Объектом изучения выступила система согласных фонем нижненемецкого говора, функционирующего в рамках традиционного семейного общения.

Для достижения поставленной цели был использованы следующие методы исследования:

1) методы полевой лингвистики применялись для сбора устных спонтанных текстов, в частности метод интервью, в ходе которого осуществлялась запись устной речи носителей диалекта на диктофон. Далее была выполнена транскрипция аудиозаписей с целью последующего фонологического анализа;

2) функциональный подход использовался для вычленения фонем на основе их способности дифференцировать лексическое значение слов и морфологические формы. Фонема рассматривалась как абстрактная единица, объединяющая конкретные реализации – фоны, которые могут варьироваться в зависимости от позиции и контекста. При этом основная функция фонемы заключается в обеспечении функционирования ближайшего вышестоящего уровня – морфемы, что делает ее конститутивным элементом языковой системы[4];

3) парадигматический анализ был направлен на установление фонемного состава через сопоставление минимальных пар и выявление системных противопоставлений (оппозиций). Этот метод позволил определить наличие или отсутствие самостоятельной фонематической ценности у исследуемых звуков[5];

4) синтагматический анализ заключался в расчленении речевого потока на минимальные сегменты и определении границ между ними. На этом этапе использовался критерий морфемной границы, позволяющий корректно выделять фонемы внутри словоформ[6];

5) артикуляционно-акустический метод исследования применялся для классификации согласных по месту и способу образования, а также по таким коррелятивным признакам, как звонкость / глухость и палатализация;

6) структурно-функциональный подход учитывал взаимодействие фонетических средств со всеми уровнями языковой системы. Особое внимание уделялось роли фонем в построении морфем и обеспечении целостности высказывания[7];

7) метод частотного анализа использовался для определения функциональной нагрузки согласных фонем. Оценка проводилась на основе частотности использования каждой фонемы в текстовых материалах.

Все выделенные фонемы были подвергнуты классификации по трем типам признаков: конститутивным (по месту и способу образования), коррелятивным (по звонкости / глухости, палатализации), относительным (по шумности / сонорности).

Исследование опиралось на принципы Санкт-Петербургской фонологической школы, согласно которым звуки языка объединяются в сравнительно небольшое число типов, способных дифференцировать слова и формы. Данный подход лег в основу фонемного анализа, при котором фонема понимается как категория звуков, представленная в речи отдельными разновидностями или оттенками[8].

На начальном этапе исследования была выполнена предварительная фонемная транскрипция текстов, что позволило определить точное количество фонов и зафиксировать границы между сегментами. После этого был проведен парадигматический анализ для установления инвентаря фонем и выявления их системных связей.

Для решения задачи синтагматического анализа использовался критерий морфемной границы, который позволил разделить речевой континуум на минимальные сегменты и определить принадлежность фонов к тем или иным морфемам. Сегменты признаются оттенками одной фонемы в случае, если они чередуются в составе означающего одной и той же морфемы, находятся в отношении живого фонетического варьирования, их взаимозамена вызывается изменением окружения и никогда не нарушает тождества морфемы[9].

После установления инвентаря фонем проводился анализ их структуры и функционирования в системе языка. Для этого использовались дифференциальные признаки, выраженные через фонетические корреляты, а также структурно-функциональный подход, учитывающий роль фонем в языковой системе[10].

Таким образом, комплексное использование различных методов обеспечило полное описание консонантизма изучаемого говора и позволило выделить 25 согласных фонем, составляющих его основу. Полученные данные легли в основу последующего анализа специфических черт консонантизма, функциональной нагрузки фонем и их эволюции под влиянием контактных факторов.

[4] Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Москва, 1963. С. 18.
[5] Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Москва : Наука, 1983. С. 225.
[6] Постовалова В. И. Фонология. Москва : URSS, 2006. 126 с.
[7] Касевич В. Б. Указанное сочинение. С. 221.
[8] Щерба Л. В. Указанное сочинение. С. 18.
[9] Касевич В. Б Элементы общей лингвистики. Москва : Наука, 1977. 183 с.
[10] Трубецкой Н. С. Основы фонологии / перевод с немецкого А. А. Холодовича. 2 издание. Москва : Аспект Пресс, 2000. 351 с.

CC BY

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведенного анализа устной речи немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым была выделена система согласных фонем, отражающая как черты нижненемецкого диалекта Plattdeutsch, так и изменения под влиянием контактных языков – русского и верхненемецких диалектов.

3.1. Инвентарь фонем

В ходе проведенного анализа текстов получилось выделить 65 согласных фонов: p, pº, p’, b, bº, b’, ḅ, ḅº, t, t’, tº, tº`, d, d̥’, d̥º, d̥, d̥º, k, kº, kº`, g, gº, g’, γ, γº, γ’, f, f’, fº, v, vº, v’, s, s’, sº, z, z’, zº, s, s’, sº, j, jº, x, ç, h, hº, l, l’, lº, ł, łº, r, r’, rº, rº’, m, m’, mº, n, n’, nº, ɳ, ɳ’.

Звонкие и глухие смычные согласные. В говорах звонкие и глухие противопоставляются друг другу.

Аспирированные согласные. Придыхательный *k`* объединяется в одну фонему с оттенком *k*, так как этот звук встречается в сходном окружении и заменяется в речи один на другой без последующего различия в интеллектуальном развитии слова, являясь факультативным вариантом одной фонемы: *Kuh* [k`ɛu] – [kɛu] ‘корова’. То же самое касается и огубленного оттенка: *Kater* [kº`u:ta] – [kºuta] ‘кот’; *Katze* [kº`oat] – [kºoat] ‘кошка’.

Лабиализованные согласные. [pº], [bº], [ḅº], [tº], [dº], [kº], [k`º], [gº], [γº], [jº]; [fº], [vº], [sº], [zº], [nº], [mº], [lº], [łº], [rº], [hº], [rº]; [sº]; [ʃº]; [tsº] возникают по причине наличия последующего за ним в слове огубленного гласного и становятся комбинаторными оттенками, образуя пару с нелабиализованными согласными, не нарушая тождества морфемы: *Butter* [bºo:ta] ‘сливочное масло’, *dienen* [tºoinə] ‘нести службу’, *Klasse* [kłºous] ‘класс’, *Hund* [hºoin’] ‘собака’, *Jackob* [jºokº`op] ‘Якоб’, *Sprache* [ʃprºok] ‘язык’, *Väter* [fºudaʃ] ‘отцы’, *sie* [sºoi] ‘она’, *wie* [vºos] ‘как’ (союз), *Schäfchen* [ʃºupt’jə] ‘овечка, барашек’.

Палатализованные согласные. Звуки [p’], [b’], [t’], [d’], [k’], [g’], [γ’], [f’], [v’], [s’], [z’], [l’], [r’], [m’], [n’], [ɳ’] являются вариантами соответствующих непалатализованных согласных, кроме [t’], поскольку находятся под влиянием последующих гласных переднего ряда и произносительных особенностей русского языка. *Pferd* [p’iəd] ‘лошадь’, *beten* [b’i:də] ‘молиться’, *Zeit* [t’i:d] ‘время’, *gingen* [γ’ein’t’] ‘шли’, *leben* [l’iəvə] ‘жить’; *viel* [f’iəł] ‘много’; *Schwein* [ʃv’in’] ‘поросенок’, *Rempenings* [rampans’i] Рэмпенинги (фамилия в форме множественного числа), *segne* [z’ɛgn’ə] ‘благослови’; Ш [r’e:də] ‘говорить’, *mein* [m’in] ‘мой’ (местоимение), *bringe* [briɳ’ə] ‘принеси’, *Kirsche* [t’oaʃa] ‘вишня’.

Сегменты ł, l, l’. Сегменты l’ и ł, несомненно, представляют собой позиционные варианты /l/, потому что смягчение бокового сонанта происходит по причине влияний регрессивного характера последующих гласных переднего ряда в случае с [l’]. Что касается [ł], его веляризованный статус объясняется также воздействием на него последующих переднеязычных [t], [d], и редко щелевого [s], а также после предыдущих задних гласных, по аналогии с русским языком.

Чередования в составе одной морфемы: *alt* – *ælḍər* (лит. *alt* – *älter*) ‘старый – старше’, отсутствие возможности появления новой морфемы еще раз подтверждает пока несамостоятельный фонематический статус [l] и [ł].

Аффрикаты. Аффрикаты ранее имели статус бифонемных сочетаний. Но контакты с верхненемецкими диалектами, с немецким стандартным, а также с русским языком повлияли на особенность их использования и способствовали их вхождению в фонемный состав говора. Слова с аффрикатами не имеют нижненемецких дублетов и для обозначения таких понятий, как *Zettel* [tsa:dɛł] ‘записка’, *Zwiebel* [tsɛpłə] ‘лук’, *Zucker* [tsºokə] ‘сахар’, *Deutschland* [d’itʃlant] Германия, *Deutsch* [d’itʃ] – немецкий язык.

Звонкий спирант γ. Спирант является самостоятельной фонемой и образует оппозицию с глухим спирантом /x/: *Frage* [frouγ] ‘вопрос’ – *fragte* [fraux] ‘спросил’. Однако в ходе бесед выявилась тенденция к повышению функциональной роли оппозиции /k/ – /g/. В словах со звонким спирантом периодически используется смычный /g/, что является сигналом к постепенному исчезновению /γ/ как самостоятельной фонемы.

Для остальных пар сегментов нет оснований для объединения в одну фонему, по причине несоответствия конкретным правилам отождествления.

Идентификация фонов по функциональному признаку явилась основанием для распределения последних в эквивалентные классы, каждый из которых соответствует высшему абстрактному элементу – фонеме.

Согласные фонемы связаны между собой по трем дифференциальным признакам: 1) конститутивным, основным, определяющим место и способ образования характерного для той или иной фонемы шума; 2) коррелятивным, различающим фонемы по звонкости и глухости и по наличию или отсутствию палатализации; 3) относительным, разделяющим согласные на шумные и сонорные. Хотя сонорные в отличие от шумных, корреляцию по звонкости / глухости не образуют и находятся вне этой корреляции. Однако различие шумных и сонорных основывается на отличие их акустических качеств.

CC BY

Для выявления фонемного состава согласных рассматриваемого говора применялся метод оппозиции Н. С. Трубецкого, когда при характеристике согласных учитывались место и способ образования, работу голосовых связок, положению языка и положения небной занавески[11].

3.2. Система фонем

Построение системы согласных проводилось на основании принадлежности фонемам различительных признаков, которые отражаются в их артикуляторно-акустических коррелятах: конститутивных, коррелятивных, относительных. Тем самым, исходя их артикуляционных признаков, выстраивается система противопоставлений, потому как между артикуляторно-акустическими признаками всегда существует строгое соответствие.

Учитывая конститутивные различительные признаки, консонантизм говора включает в себя следующие согласные фонемы:

по месту образования:

– губно-губные: *m, b, p* (три фонемы);

– губно-зубные: *v, f* (две фонемы);

язычные:

– переднеязычные: а) дорсальные *t', n', s, z* (четыре фонемы); б) апикальные *t, d, ts, l, n* (пять фонем); в) какуминальные *ʃ, tʃ, r* (три фонемы);

– среднеязычные *ç, j* (две фонемы);

– заднеязычные: а) *k, g, ŋ* (три фонемы), б) задненебные *x* (одна фонема), в) фарингальные *h* (одна фонема);

по способу образования:

– смычные: а) взрывные *p, b, t', t, d, k, g* (семь фонем); б) аффрикаты *ts, tʃ* (две фонемы); в) носовые *m, n, n', ŋ* (четыре фонемы);

– щелевые: а) плоские *f, v, ʃ, ç, j, x, ɣ, h* (восемь фонем); б) круглые *s, z* (две фонемы); в) боковые *l* (одна фонема);

– дрожащий *r* (одна фонема).

При учете коррелятивных различительных признаков консонантизм говора содержит следующие фонемы: а) звонкие: *b, d, g, m, n, n', ŋ, z, v, ɣ, j* (11 фонем); б) глухие: *p, t, t', k, ts, tʃ, s, f, ʃ, ç, x, h* (12 фонем); в) непалатализованные: *p, b, t, d, k, g, m, n, ŋ, ts, tʃ, s, z, f, v, ʃ, x, ɣ, h, l, r* (21 фонема);

– палатализованные: *t', n'j, ç* (четыре фонемы).

С учетом относительных различительных признаков консонантизм говора включает в себя следующие согласные фонемы: а) шумные: *b, p, t, t', k, g, ts, tʃ, s, z, f, v, ʃ, ç, j. x, ɣ, h* (18 фонем); б) сонорные: *m, n, n', ŋ, l, r* (шесть фонем).

В состав консонантизма данного говора входят 25 согласных фонем, а именно: *p, b, t, t', d, k, g, ɣ, f, v, s, z, ʃ, j, x, ç, h, l, r, m, n, n', ŋ, ts, tʃ* (табл. 1)

[11] Трубецкой Н. С. Указанное сочинение.

3.3. Функциональная нагрузка согласных фонем говора

Существует несколько способов определения функциональной нагрузки фонем. Если принять в качестве критерия дистрибуцию, то фонемы, более свободные в дистрибутивном отношении, и будут более нагружены функционально[12]. Тогда среди согласных такими фонемами окажутся уже упомянутые выше /t/, /r/, /l/, /ʃ/, /n/. Применительно к согласным такая оценка интуитивно кажется более или менее адекватной, в отличие от гласных, где ее достоверность сомнительна. Также на дистрибутивный критерий опирается и представление о том, что функциональная нагрузка фонем соотносима с нагруженностью фонемных оппозиций, пропорциональна ей. Тогда в данном случае рассчитывается нагрузка важнейших противопоставлений по отдельным позициям для согласных, когда выделяется идеальная позиция, под которой будет пониматься такая гипотетическая позиция, в которой возможны все фонемы, участвующие в этом системном противопоставлении.

Картину функциональной нагруженности фонем могут дать также статистические исследования реализаций фонологических противопоставлений в речи и исследование отношения количества оппозиций (из общего числа оппозиций данной фонемы по отношению к любой другой фонеме языка), представленных одной-двумя парами словоформ или не представленных на уровне словоформ, к количеству оппозиций, представленных более чем двумя парами словоформ.

Первый способ отклоняется ввиду исключительной трудоемкости. Второй же может дать ошибочные результаты, так как в языке не всегда наличествуют пары слов, различающихся противопоставленными фонемами, а фонологическая самостоятельность последних, как и свойство фонемы дифференцировать слова, может доказываться не только с помощью минимальных пар квазиомонимов.

Ввиду больших трудностей при подсчете лексических пар, которые были бы точными квазиомонимами и в которых реализовывались бы интересующие исследователя противопоставления, А. Мартине предлагает для оценки функциональной нагрузки фонем определять частотность каждой рассматриваемой фонемы[13], считая, что чем чаще встречается фонема, тем чаще она выполняет различительную функцию. Оценка функциональной нагрузки в цифрах простой частотности фонем представляется оптимальным вариантом решения данной задачи.

[12] Meinhold G., Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1980. 256 p.

[13] Мартине А. Основы общей лингвистики / перевод с французского В. В. Шеворошкина ; под редакцией и со вступительной статьей В. А. Звегинцева. 2-е издание. Москва : УРСС. 2004. С. 80.

CC BY

Таблица 1. *Система консонантизма нижненемецкого говора немцев-меннонитов Симферопольского района*
Table 1. *The Consonant System of the Low German Dialect of the Mennonite Germans of the Simferopol Region*

признаки		губные				язычные												
способ образования	место образо-вания	губно-губные		губно-зубные		переднеязычные						среднеязычные		заднеязычные				фарингальные
						дорсальные		апикальные		какуминальные				средненебные		заденебные		
		гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	гл.	зв.	
смычные	смычно-взрывные	*p*	*b*			*t'*		*t*	*d*					*k*	*g*			
	смычно-проходные / носовые		*m*				*n'*		*n*						*ŋ*			
	смычно-щелевые / аффрикаты					*ʃ*		*ts*		*tʃ*								
щелевые	Серединные / круглые					*s*	*z*											
	Серединные / плоские			*f*	*v*							*ç*	*j*			*x*	*ɣ*	*h*
	боковые / плавные							*l*										
	дрожащие										*r*							

Таблица 2. *Частотность согласных фонем*
Table 2. *Frequency of consonant phonemes*

Ранг	Фонема	Ранг	Фонема
1	*n*	14	*h*
2	*d*	15	*ç*
3	*r*	16	*j*
4	*l*	17	*k*
5	*t*	18	*m*
6	*v*	19	*g*
7	*f*	20	*ɣ*
8	*s*	21	*x*
9	*ʃ*	22	*tʃ*
10	*p*	23	*ts*
11	*b*	24	*ŋ*
12	*s*	25	*n'*
13	*t'*		

Поскольку функция фонемы – служить строительным материалом для создания морфем, то и функциональную нагрузку фонем следует понимать, как показатель того, насколько активно та или иная фонема задействована в построении морфемы. Количественно это может быть выражено именно через частотность фонем.

По частотности в словах согласные фонемы говора располагаются по следующей убывающей (табл. 2).

Среди согласных фонем наиболее частотными являются в основном переднеязычные, кроме /v/: /n/, /d/, /l/, /r/, /t/, которые несут основную функциональную нагрузку среди согласных фонем.

Следующие носовые фонемы /n'/, /ŋ/, а также фонемы – аффрикаты /tš/, /ts/ и заднеязычный /x/ располагают наименьшей нагрузкой.

3.4. Специфические черты консонантизма исследуемого говора

Основными специфическими чертами системы согласных представленного говора являются:

– отсутствие характерного для верхненемецких говоров передвижения согласных и вследствие этого отсутствие аффрикат в исконно нижненемецких словах: *auf* [op] ‘на’ (предлог), *Wasser* [vo:ta] ‘вода’, *Sprache* [ʃpro:k] ‘язык’, *Zeit* [ti:d] ‘время’, *zwei* [tvɔi] ‘два’, *Pferd* [piəd] ‘лошадь’.

CC BY

Однако в диалекте существует ряд слов, заимствованных из верхненемецких диалектов и стандартного языка с подвергшимися передвижению согласными: *Zwiebel* [tsɛpłə] ‘лук’, *Zettel* [tsa:dəł] ‘записка’, Zucker [tsokə] ‘сахар’;

– наличие палатализованных согласных t (как отражения германского k) и n в позиции перед и после гласных: *Kinder* [t’ɛn’ja] ‘дети’, *Krim* [t’rɛm] ‘Крым’, Hund [hɔin’] ‘собака’;

– спирантизация смычных b, g в положении между гласными и в абсолютном конце слова: gebliben [ɣəvliəvə] ‘оставшийся’, trug [droɣ] ‘нес’ (‘нести’), ging [je:nt’] ‘шел’;

– веляризация плавного l после гласных заднего ряда и последующих переднеязычных [t], [d], и редко щелевого [s]: Wall [voł] ‘Валл’ (фамилия), Saltz [zołt] ‘соль’, Helfte [hałf] ‘половина’, alt [alt] – alter [ælḍər] ‘старый – старше’;

– наличие звонких согласных в абсолютном конце слова: Leute [li:d] ‘люди’, Schaf [ʃu:b] ‘овца’;

– сохранение звонкого начального d в некоторых словах: Tuch [du:k] ‘платок’;

– вокализация сонорного r в положении между гласным и согласным и в абсолютном конце слова: der erste [də iəʃtə] ‘первый’;

– наличие звонкого щелевого ɣ во всех позициях: Himmel [ɣɛmɛł] ‘небо’, geschlagen [ɣəʃłɔuɣə] ‘спать’ в форме второго причастия, gesagt [ɣəza:ɣ] ‘сказать’ в форме второго причастия.

Исследование показало, что консонантизм нижненемецкого говора немцев-меннонитов Симферопольского района сохранил значительное количество особенностей, характерных для восточнонижненемецкого диалекта Plattdeutsch. При этом он испытал влияние русского языка и верхненемецких диалектов, что проявилось в увеличении числа фонем и расширении их функциональной роли.

Особый интерес представляет сохранение звонких согласных в абсолютном конце слова и наличие звонкого щелевого /ɣ/ во всех позициях.

Вместе с тем наблюдается влияние русского языка на такие явления, как палатализация /t/ и /n/, спирантизация /b/ и /g/, вокализация /r/.

Выводы

Анализ системы согласных нижненемецкого говора немцев-меннонитов Симферопольского района полуострова Крым показал, что исследуемый диалект сохранил значительное количество архаичных черт, характерных для восточнонижненемецкого диалекта Plattdeutsch, несмотря на исторические катаклизмы, такие как депортация населения и длительное пребывание носителей языка в условиях доминирования русского языка. Это свидетельствует о высокой устойчивости фонологической системы, особенно учитывая численное сокращение носителей говора. Полученные данные позволяют рассматривать данный говор как уникальный лингвистический феномен, отражающий историю миграций, культурные связи и механизмы языковой эволюции. Исследование представляет интерес не только для лингвистов, но и для ученых, занимающихся вопросами сохранения языковой идентичности в условиях иноязычного окружения.

Список литературы

Бухаров В. М., Байкова О. В., Обухова О. Н. Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 1 (13). С. 89-100. DOI 10.25730/VSU.2070.19.010. EDN WKVYER

Найдич Л. Э. Палатальные согласные в меннонитском диалекте плаутдитч в свете типологии развития ингвеонского консонантизма // Скандинавская филология. 2022. Том 20. № 2. С. 245-268. DOI 10.21638/11701/spbu21.2022.202. EDN ZWCWAM

Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Том 19, № 2. С. 26-39. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39. EDN OKAPID

References

Bukharov, V. M., Baykova, O. V., Obukhova, O. N. (2019). Evolution of linguistic and cultural markers of German language identity on the Crimean Peninsula. *Herald of Humanitarian Education, 1*(13), 89-100. EDN: WKVYER. https://doi.org/10.25730/VSU.2070.19.010

Naiditch, L. (2022). Palatal consonants in the Mennonite dialect Plautdietch in the light of the development typology of the Ingvaeonic consonantism. *Scandinavian Philology, 20*(2), 245-268. EDN: ZWCWAM. https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.202

Naiditch, L. E., Liebert, E. A. (2020). Notes on the dialects of the Crimean Mennonite settlements (based on the V. M. Zhirmunsky’s archives). *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 19*(2), 26-39. EDN: OKAPID. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39

CC BY

Информация об авторах

Березина Юлия Валерьевна –
кандидат филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Оношко Вячеслав Николаевич –
кандидат филологических наук, профессор,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8153-6944;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Жилина Юлия Сергеевна –
старший преподаватель,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6356-2452;
e-mail: zhilina.juli@gmail.com

Войтов Денис Евгеньевич –
старший преподаватель,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6276-0457;
e-mail: voitov-denis@hotmail.com

Скурихина Ольга Витальевна –
кандидат педагогических наук, доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4381-5846;
e-mail: felicity@mail.ru

Поступила в редакцию 04.06.2025
Принята к публикации 03.08.2025
Опубликована 12.08.2025

Information about the authors

Yulia V. Berezina – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Viacheslav N. Onoshko – Cand. Sci. (Phil.),
professor,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8153-6944;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Yulia S. Zhilina –
senior lecturer,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6356-2452;
e-mail: zhilina.juli@gmail.com

Denis E. Voytov –
senior lecturer,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6276-0457;
e-mail: voitov-denis@hotmail.com

Viacheslav N. Onoshko – Cand. Sci. (Ped.),
associate professor,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4381-5846;
e-mail: felicity@mail.ru

Received 04 June 2025
Accepted 03 August 2025
Published 12 August 2025

CC BY

Научная статья

Чувашеобусловленные фамилии как маркер чебоксарского регионалекта русского языка

https://doi.org/10.31483/r-149649
УДК 811.161.1'282.2(470.344-21)
+811.161.1'373.232:811.512.111

Фомин Э. В.
Чувашский государственный институт культуры и искусств
г. Чебоксары, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: fyeresen@yandex.ru

Резюме. Работа продолжает цикл публикаций о чебоксарском регионалекте русского языка. В настоящем исследовании рассматриваются русские фамилии чувашского происхождения как признак речи жителей г. Чебоксары. Материалом исследования послужили фамилии, бытующие в Чувашской Республике. Работа основана на качественном анализе фактического материала. Чувашские фамилии в течение последних трех веков претерпели значительные качественные изменения от исходной восточной татарско-исламской традиции до современной христианской. Фамилии чебоксарцев каждая сама по себе не может явиться маркером чебоксарского регионалекта русского языка. В целом чебоксарские фамилии в силу своего простого отыменного происхождения могут быть осознаны в качестве обобщающего маркера. Сочетание обусловленных православием отыменных фамилий типа Иванов, Петров, Федоров с фамилиями-чувашизмами типа Садырга, Якку, Мулгачев, Кашкаров создает своеобразный антропонимический фон функционирования чебоксарского регионалекта, усиливая впечатления о его качественных параметрах. Христианские основы чувашского именослова выходят за пределы антропонимического словаря: в современных условиях практически все названия в чувашской среде ориентированы на русскую традицию. Русско-православные имена во многом формируют русский визуальный ландшафт региона.

Ключевые слова: русский язык, чувашский язык, антропонимы, региональное варьирование русского языка, языковые контакты

Для цитирования: Фомин Э. В. Чувашеобусловленные фамилии как маркер чебоксарского регионалекта русского языка // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 23-28. DOI 10.31483/r-149649. EDN WHVHMI

Research Article

Chuvash-Determined Surnames as a Marker of the Cheboksary Regiolect of the Russian Language

Eduard V. Fomin
Chuvash State Institute of Culture and Arts
Cheboksary, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: fyeresen@yandex.ru

Abstract. The work continues the series of publications on the Cheboksary regional dialect of the Russian language. This study examines Russian surnames of Chuvash origin as a feature of the speech of residents of Cheboksary. The material for the study was surnames common in the Chuvash Republic. The work is based on a qualitative analysis of factual material. Chuvash surnames have undergone significant qualitative changes over the past three centuries from the original eastern Tatar-Islamic tradition to the modern Christian one. The surnames of Cheboksary residents cannot be a marker of the Cheboksary regional dialect of the Russian language. In general, Cheboksary surnames, due to their simple denominal origin, can be understood as a generalizing marker. The combination of Orthodox-conditioned denominal surnames such as Ivanov, Petrov, Fedorov with Chuvashism surnames such as Sadyrga, Yakku, Mulgachev, Kashkarov creates a unique anthroponymic background for the functioning of the Cheboksary regional dialect, reinforcing the impression of its qualitative parameters. The Christian foundations of the Chuvash nomenclature go beyond the anthroponymic dictionary: in modern conditions, almost all names in the Chuvash environment are oriented towards the Russian tradition. Russian-Orthodox names largely form the Russian visual landscape of the region.

Keywords: Chuvash language, Russian language, language contacts, anthroponyms, regional variation of the Russian language

For citation: Fomin E. V. (2025). Chuvash-Determined surnames as a marker of the Cheboksary regiolect of the Russian Language. Ethnic Culture, 7(3), 23-28. EDN: WHVHMI. https://doi.org/10.31483/r-149649

Введение

Чебоксарский регионалект – вариант русского литературного языка, используемый в г. Чебоксары и агломерации. Он активно формируется с 1980 гг. в связи с активной урбанизацией чувашей и стремительным языковым сдвигом, в последнее время наблюдаемом в республике повсеместно[1].

Маркеры чебоксарского регионалекта в основном складываются из высокочастотных употреблений определенных русских же языковых единиц [Фомин, Ерина, 2023, с. 148–149].

Чебоксарцы старательно избегают чувашизмов. Их речевой идеал – безупречный русский литературный язык. Однако он не находит полноценной реализации. Русский язык в Чувашии заметно преломляется под местным влиянием.

Лингвистические особенности чебоксарского регионалекта уже достаточно полно описаны [Гаврилова, 2021; Анисимова, Никитина, Петрова, 2023; Фомин, Ерина, 2023].

[1] Алос-и-Фонт Э. О регионалекте Чебоксар (на основе просьб об остановках маршрутных такси // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 1. С. 10–18.

CC BY

В настоящее время происходит фиксация его более редких имплицитных проявлений. К числу такого рода маркеров относятся чувашеобусловленные фамилии.

Фамилия каждая сама по себе не может быть названа в качестве параметра региолекта, но таковым их можно назвать в совокупности. Единственная фамилия как в Чебоксарах, так и в Чувашии, которая может выступить в качестве самостоятельного маркера, – *Александров* с ударением на последнем слоге. В русской речевой культуре принято различать крестьянскую фамилию Алекса́ндров и дворянскую Александро́в. Но в России не было дворян чувашского происхождения, следовательно, нет и условий, исторически обуславливающих необычное произношение фамилии.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фамилии, бытующие в Чувашской Республике. Анализируемые прозвища локализуются Именевским кустом сел Красноармейского муниципального округа. Автор также обращается к фактическому материалу, приводящемуся в трудах других языковедов.

Лексикографическими источниками работы стали словарь чувашского языка Н. И. Ашмарина (1928–1950), чувашско-русский словарь 1982 (1985) г., а также материалы для словаря русских фамилий чувашского происхождения (2019).

Работа основана на качественном анализе материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Слово *хушамат*[2] ‘фамилия’ в чувашском языке возводится к словосочетанию *хушма ят* ‘дополнительное имя’. Исходно оно, видимо, означало и второе – бытовое имя, выступавшее в качестве оберега, и прозвища. Затем с появлением настоящих фамилий за словом закрепляется современное значение. При этом прозвищный элемент у него все же сохраняется: *хушамат пар* ‘прозвать, дать прозвище’.

Фамилии в чувашской среде – суть русская. Согласно подсчетам, проведенным на материале 250 высокочастотных русских фамилий, они в половине случаев отыменного происхождения (*Богданов, Васильев, Павлов, Семенов, Федоров*). Другую половину составляют отапеллятивные образования (*Ковалев, Кузнецов, Мясников, Попов, Дьячков, Волков, Комаров, Орехов, Хохлов, Цветков*)[3], для ср.: у чувашей две трети фамилий отыменные, одна треть – отапеллятивная.

Все многообразие фамилий, бытующих в чувашской среде, можно разделить на такие группы, как: 1) дохристианско-отыменные; 2) православно-христианские; 3) отапеллятивные; 4) церковные на *-ский*; 5) отапеллятивные в русской транскрипции; 6) отапеллятивные в форме русского генитива.

Фамилии с дохристианскими отыменными основами. Активная христианизация чувашей началась в середине XVIII в. В связи с этим в чувашскую культуру привносится антропонимическая культура русского образца: православное наречение человека с его трехчастной организацией имени. По сути же фамилии в то время являлись инициальным отзвуком отчества и менялись от отца к детям. Таким образом важным представляется предварительный анализ чувашского именослова той эпохи.

Чувашская дохристианская антропонимия представлена следующими генетическими стратами (табл. 1).

Данный пласт фамилий составляют единицы, сочетающие дохристианские чувашские имена с русскими фамилиеобразующими формантами: *Актемеров* ← чув. *Актимĕр* (тат. *ак тимер* ‘белое железо’); *Анюков* ← чув. *Анюк* (рус. *Анёк* от *Анна*); *Ивантаев* ← чув. *Ивантай* (рус. *Иван* + чув. *-тай*); *Пайгильдин* ← чув. *Пайкилтĕ* (тат. *пай килде* ‘господин пришел’); *Пуяндайкин* ← чув. *Пуянтай* (*пуян* ‘богатый’ + *-тай* + *-ккă*).

Показатель *-кин*, нередко бытующий в фамилиях с чувашской этимологией, созвучен с аналогичным мордовским элементом в фамилиях типа *Алямкин, Кирдяпкин, Кочеваткин, Учайкин, Чиндяйкин*. Более того, имеются общие чувашско-мордовские фамилии, например, Булаткин.

Такого рода фамилии предполагают исходные формы производящих имен со стилистически нейтральными аффиксами *-кка / -ккă*: **Кокшайкка = *Кокшайккă → Кокшайкин, *Орхантейккă → Органдейкин, *Сармантейкка = *Сармантейккă → Сармандейкин, *Утрейкка → Утрейкин, *Ярантайккă → Ярандайкин*. Причем аффикс *-кка* в большей степени характерен низовому диалекту чувашского языка, а вариант *-ккă* — верховому. В русском языке им соответствует диминутив -ка с разговорной стилистической окраской, и фамилии дохристианско-отыменного чувашского происхождения на *-кин* в русском контексте воспринимаются как не столь благозвучные.

Фамилии данной группы в большей степени сохранились за пределами Чувашии – там, где язычество было востребовано вплоть до середины XX в.

Квазифамилии на основе дохристианских имен вслед за христианизацией чувашского именослова исчерпали себя уже к концу XVIII в.

Фамилии православно-христианского происхождения. Страта включает в себя фамилии типа *Андреев, Николаев, Филиппов, Яковлев, Ильин*. Она в настоящее время представляет самую объемную группу чувашских фамилий. В большей степени именно они придают антропонимии Чувашии и Чебоксар наблюдаемые качественные параметры – простоту и строгость, проявляемую в непременном следовании нормам литературного языка.

Подобные образования составляют 60–70 процентов от числа всех фамилий, функционирующих у чувашского народа. Самими чувашами они в шутку называются подлинно чувашскими.

[2] Правила чтения на чувашском языке: буква *ă* — редуцированная гласная, обозначаемая в русской транскрипции знаком ъ (гор[ъ]д); *ĕ* — редуцированная гласная [ь] (вос[ь]мь), *ӳ* — мягкий вариант звука у (ж[ү]ри), *ç* — звук, близкий к русскому щ (я[ш':]ик). Глухие согласные звуки между двумя гласными, а также между сонорными, включая [в], и гласными произносятся звонко: *упа* ‘медведь’ — у[б]а, *парка* ‘густой’ — пар[г]а. В указанных позициях могут возникнуть звонкие пары *ҫ, х, ч*, которые в русском языке не встречаются. Слова с переднеязычными гласными произносятся максимально мягко: *кĕнеке* ‘книга’ — [к'ьн'эг'э́], *сĕтел* ‘стол’ — [с'ъд'э́л']. Ударение падает на конечный полногласный слог: *ача́* ‘ребенок’, *ачасе́м* ‘дети’, *пӳ́лă* ‘рыба’. Если в слове встречаются исключительно редуцированные гласные, ударение падает на первый слог: *ӑ́слă* ‘умный’, *пӗ́лӗтлӗ* ‘облачно’.

[3] Подсчеты по: Топ-250 самых популярных русских фамилий. URL : http://metrics.tilda.ws/surnames (дата обращения : 12.02.2024).

CC BY

Таблица 1. *Генетическая стратификация чувашских имен дохристианской эпохи*
Table 1. *Genetic stratification of Chuvash names of the pre-Christian era*

Страты	Всего	Доля, %	Примеры имен
Татарские	3040	29,8	*Айшат, Мемеш, Паймук, Яшкей*
Арабские	2197	21,6	*Ахит, Иманай, Келея, Пархат*
Древнегреческие	1493	14,7	*Ануш, Выссар, Кăтюк, Якрав*
Персидские	1123	11,0	*Анаркёл, Ерёстем, Нарспи, Селихе*
Чувашские	678	6,6	*Аванни, Ача, Йолаш, Хорчăка*
Дневнееврейские	585	5,7	*Михай, Сахар, Эхветтер*
Тюркские	407	4,0	*Аюх, Айкен, Ёртӳ, Исепи*
Латинские	257	2,5	*Антухха, Макçăм, Çеруш*
Славянские	247	2,4	*Верухха, Корлан, Лиска, Молотой*
Другие	160	1,6	*Москай* (мар.), *Теней* (башк.)
Всего	10187	100,0	

Таблица 2. *Типы чувашских псевдонимов*
Table 2. *Types of Chuvash pseudonyms*

Псевдонимы на чувашский лад	Псевдонимы на русский лад
Митта Ваçлейĕ (Василий Митта), поэт	*Юрий Айташ* (Ю. Г. Григорьев), поэт
Çеçпĕл Мишши (Михаил Сеспель), поэт	*Мĕтри Кипек* (Д. А. Афанасьев), прозаик
Ухсай Яккăвĕ (Яков Ухсай), поэт	*Никифор Мраньккa* (Н. Ф. Мораньков), прозаик
	Григорий Хирпӳ (Г. Я. Хирбиков), композитор
	Тани Юн (Т. Бурашникова-Кошкинская), артистка

Таблица 3. *Эволюция чувашских фамилий*
Table 3. *The evolution of Chuvash surnames*

Хронологические рамки	Статус	Имя
первая половина XVIII в.	отец	*Яндуган*
середина XVIII – начало XIX в.	сын	*Яндуганов Иван Яндуганович*
XIX – середина XX в.	внук	*Иванов Петр Иванович*
вторая половина XX в. – настоящее время	правнук	*Иванов Андрей Петрович*

В фамилиях этой группы допускаются искажения, закравшиеся в них в период их осмысления в качестве родовых имен в середине XX столетия, например: *Кирилов, Сельверстров* вместо *Кириллов, Сильвестров*.

В этой же группе имеются фамилии условно чувашского происхождения на *-кин*: *Мишкин* ← *Мишка* (*Михаил*), *Оленкин* ← *Алёнкка* (*Алёна*), *Савелькин* ← *Савелькка* (*Савелий*).

Отапеллятивные фамилии. Настоящую группу составляют фамилии русского отапеллятивного происхождения типа *Блинов, Горшков, Краснов, Лебедев, Серов, Чернов*. Их происхождение чаще связано с прозвищами, реже обусловлено профессией.

Такого рода фамилий достаточно много – одна треть, и тем не менее они не могут конкурировать с отыменными православными фамилиями.

Фамилии этой группы стилистически нейтральны как в собственно чувашском восприятии, так и в русском.

Группа перекликается с отапеллятивными фамилиями в форме русского генитива и в ряде случаев представляет собой образования, обусловленные переводом на русский язык чувашских слов, ср.: *Волков* ← *кашкăр* ‘волк’, *Дубов* ← *юман* ‘дуб’, *Зайцев* ← *мулкач* ‘заяц’.

Фамилии на -ский. Удивительное свойство небольшой части чувашских фамилий – их внешняя нечувашскость, связанная с формантом *-ский*: *Авруйский* ← с. Авруй, *Акрамовский* ← с. Акрамово (чув. *Шурча*), *Сугутский* ← с. Сугуты (чув. *Сăкăт*) *Чукальский* ← с. Чукалы (чув. Чукал), а также *Аванский* ← (чув. *аван* ‘хороший’), *Акальский, Алгатский, Пульхеровский, Ядранский*. Они чаще всего обусловлены церковной традицией давать фамилии священнослужителям по месту их происхождения. Иллюстрацией сказанному может послужить биография синолога Н. Я. Бичурина (1777–1853), в традициях своего времени в чувашской общине по отцу обязанного иметь фамилию *Яковлев*, но при поступлении в церковное образовательное учреждение нареченного *Пичуринским* по названию села, откуда он прибыл в Казань, – Бичурино (чув. *Шĕнерпуç*). Впрочем, очень скоро фамилия обрела современное привычное звучание.

Часть фамилий данной группы, вполне вероятно, является заимствованной у других народов (*Акальский, Пульхеровский*). Однако фонотаксис их основ созвучен с чувашским.

CC BY

Фамилии типа *Калиновский, Каховский, Сретенский, Хомский* в чувашской среде относятся к разряду занесенных. Они, как правило, связаны с конкретной биографией носителей. По воспоминаниям профессора-чувашеведа Н. П. Петрова, в отроческие годы мечтавшего стать поэтом, он собирался поменять фамилию на Каховский, популярную в те времена. (Иные примеры случайных фамилий чувашей – *Дубовик, Нижерадзе, Устяк, Форвардс.*)

Отапеллятивные фамилии в русской транскрипции. Специфичные антропонимические черты придают чебоксарскому регионе фамилии, обусловленные чувашским языком: *Кокша* ← чувВ. *кокша* ‘плешивый’, лит. *кукша*; *Митта* ← чув. *Митта* = рус. *Митя* (*Дмитрий*); *Табардак* ← чув. *тăпăртăк* подражание стуку скачущей лошади или выстукиванию каблуками; *Цобар* ← чув. *чăпар* ‘пестрый’; *Чибер* ← чув. *чипер* ‘хорошенький’; *Шевле* ← чув. *шевле* ‘луч, блик; зарница’; *Якку* ← чув. *Якку* = рус. *Яков*.

В Чувашии явно выделяется два куста, которыми они паспортизируются: северо-западный (Красночетайский, Шумерлинский, Ядринский округа) и юго-восточный (Батыревский, Шемуршинский и Яльчикский округа). «В сумме на их долю приходится почти половина всех фиксаций уникальных фамилий…» [Фомин, Иванова, 2020, с. 103].

Объем такого рода образований незначителен. Они характеризуются высокой степенью выразительности и максимальной чувашскостью, как в звучании, так и в смыслообусловленности.

Отапеллятивные фамилии в форме русского генитива. Немногочисленная страта включает в себя фамилии типа *Кашкаров* ← чув. *кашкăр* ‘волк’, *Мулгачёв* ← чув. *мулкач* ‘заяц’, *Убасев* ← *упаçă* ‘медвежатник’, *Халапсин* ← *халапçă* [халáпçъ] ‘рассказчик’.

Фамилия *Кашкаров* в зависимости от места употребления имеет разные акцентологические характеристики: в условиях села – *Кáшкаров*, т. е. очень близко к этимологическим основам, в Чебоксарах – *Кашкáров*, за пределами республики – *Кашкарóв*.

Согласно подсчетам, в разряд самых распространенных фамилий чувашского происхождения входят следующие: *Кураков (Кораков)* ← чув. *курак* ‘гарч’, *Карзаков (Карсаков)* ← чув. *карсак* ‘русак’, *Муллин* ← тат. *мулла*, *Албутов* ← чув. *улпут* ‘барин’, *Пыркин* ← чув. *пыркка* ‘пырка’, *Юманов* ← чув. *юман* ‘дуб’, *Хораськин* ← чув. *хораçка* ‘черненький’, *Арланов* ← *арлан* ‘хомяк’, *Бардасов* ← чув. *партас* ‘голавль’, *Салмин* ← чув. *салма* ‘клецки’, *Ашмарин (Ушмарин, Ашмаров)* ← мар. *ош марий* ‘белый человек’, *Кадыков* ← чув. *катăк* ‘осколок’, *Мольков* ← чув. муж. *Молёк, Тукмаков (Токмаков)* ← чув. *тукмак* ‘мялка’, *Шуркин (Шоркин)* ← чув. *шуркка* ‘беленький’.

Единицы данной страты так же, как и предыдущие, обладают высокой выразительностью, вследствие чего привлекают к себе значительное внимание и создают общее впечатление об экзотичности современного чувашского антропонимического словаря. Они свидетельствуют о чувашском происхождении носителя, православно ориентированном, содержат сведения о прозвищах, втором бытовом имени или профессии, легших в основу фамилии.

В чувашской традиции функционирования имен имеются явления, близкие к фамилиям. К ним относятся тавраш, прозвища, а также псевдонимы.

Тавраш – чувашский аналог фамилий, объединяющий всех родственников в один клан. При закреплении современных фамилий тавраш начали выполнять функцию надфамильного антропонима, ср.: офиц. *Григорьев, Иванов* – чув. *Крыжон*, офиц. *Петров, Пушкин, Семенов, Хресин* – чув. *Кăкшăм*, см. также: *Мăрса тавраш* название рода; *Уккамас тавраш* название рода в д. Кудемеры; *Урлав тавраш* фамилия в с. Ораушки.

В чувашской этнической культуре феномен тавраш – интереснейшая, но, к сожалению, абсолютно не изученная область, уже полностью утраченная. Прямую аналогию *тавраш* составляют удмуртское явление *воршуд*[4].

Утрата клановых фамилий связана не только с переходом на русскую традицию имянаречения, но также с возрастанием мобильности чувашей, сводящей возможность близкородственных браков к нулю, а также с индивидуализацией сознания. Тем же объясняется деградация сверхдробной номенклатуры родственных отношений.

Тавраш частично легли в основу чувашских фамилий.

Прозвища. Прозвища – новая перспективная тема ономастических исследований в чувашской лингвистике. На данном этапе их изучают на материале конкретных селений[5] (см. также: Семенова, Якимова 2022). В этом есть свои преимущества: системность подхода, полнота охвата материала, завершенность исследования.

Прозвища во всем их многообразии являются древнейшей формой индивидуального имянаречения человека в чувашской среде, предшествовавшая русской традиции[6].

Естественные условия функционирования прозвищ – замкнутые коллективы. В чувашской среде идеальные условия для их использования складываются в селе, где все жители знакомы между собой. В этом случае прозвища даже могут затмить реальные имена.

Основаниями для производства прозвищ являются внешность человека (*Алтатти* ‘с отрезанной рукой’), родственные отношения (*Элекçей матки* ‘жена Алексея’, *Колюшша Коли* ‘Николай Акулины’), профессия (*Ăйăр Петти* из чув. *ăйăр* ‘жеребец’ – Петр, работающий коневодом, *Шыв Лёнькки* – Леонид, отвечающий за водоснабжение, *МЧС* – пожарный), речевые особенности (*Пĕлеççĕ* ‘знают’ – женщина на все вопросы отвечала словом пĕлеççĕ, *Шăнкăл* – мужчина после службы в Казахстане в речи использовал данное слово, якобы означавшее младшего брата), событие (*Жигули* – по выигрышу автомобиля), дохристианское имя (*Мăрсак, Хаматĕк*), случайность (*Пакша* ‘белка’, Самана ‘эпоха’).

В прозвищах сохраняется типично чувашская организация многокомпонентного имени в виде изафета второго типа, игнорируемая в других явлениях, подобных фамилиям.

[4] Атаманов М. Г. Последам удмуртских воршудов. Ижевск : Удмуртия, 2001. 216 с.

[5] Самоделова М. П. Национально-культурные особенности прозвищ в системе антропонимики чувашского языка // Богатство финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2017. С. 140–142; Малькова Е. Н., Ахвандерова А. Д. Современные чувашские прозвища (на примере д. Старое Муратово Урмарского района Чувашской Республики) // Национальные языки и литературы в условиях би- и полилингвизма. Чебоксары, 2019. С. 241–244.

[6] См.: Андреев И. А. Çын ячĕсем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1983. С. 25–26.

CC BY

В последней четверти XX в. в среде чувашей обозначился переход на русские прозвища: *Боцман, Длинный, Рыжик, Художник.*

Прозвища принимали участие в образовании фамилий в период их закрепления. В свою очередь в современных условиях фамилии могут стать основой новых прозвищ: *Захаров → Сахар* чув. вариант рус. *Захар*, *Гаврилов → Кавăрле* чув. вариант рус. *Гаврил(а)*, *Федоров → Хĕветĕр* чув. вариант рус. *Федор, Сковрцов → Шăнкăрч* чув. скворец.

Псевдонимы. Псевдонимы востребованы в творческой среде, обычно писательской. Почти половина из них публикуется под псевдонимом[7].

Популярность псевдонимов у чувашей вызвана обычностью фамилий, их высокой частотностью, но в большей степени представлением, что писатели обязаны их иметь.

Псевдонимы, за редким исключением, дублируют русские образцы (табл. 2).

Псевдонимы на чувашский лад, в отличие от ориентированных на русские образцы, созданы с соблюдением грамматических требований чувашского языка – согласно изафету второго типа, ср.: с одной стороны, собственно чув. *Хумма Çеменĕ* букв. *Семён Фомы*, с другой – псевдоним на рус. лад *Çемен Элкер* букв. *Семён Эльгер*.

Доминирование псевдонимов с русским синтаксисом в чувашской среде объясняется их большей благозвучностью. Тому же служит кажущееся благородство такого рода имяорганизации. Кроме того, в языковом плане данные псевдонимы исходно приспособлены под русские фамилии негенитивной формы.

Интересным представляется опыт очувашивания фамилии, нашедший отражение в псевдониме чувашского поэта П. Яковлева в виде *Яккусен ← Якку* (рус. *Яков*) + *-сем* афф. мн. ч. + *-н* афф. генитива. Иначе говоря, поэт через калькирование воспроизвел средствами чувашского языка русский оригинал, ставший созвучным скандинавским фамилиям (*Андерсен, Педерсен, Расмуссен, Хансен*). Но опять-таки он отказался от изафетной конструкции: должная быть форма – *Яккусен Петĕрĕ.*

Часть псевдонимов соотносится с родовыми именами, которые в последующем снова закрепляются в качестве настоящих фамилий: *Айхи → Лисин → Айхи* (рус. *Айги*), *Хусанкай → Казанков → Хусанкай* (рус. *Хузангай*). Но обычно они сложно обуславливаются с учетом благозвучности и благозначности слов-претендентов: *Асламас* – родное селение композитора А. Васильева, *Туркай* – перевод на тюркский язык (казахский?) апеллятива воробей, лежащего в основе фамилии поэта В. Воробьева; *Юхтар* – имя предка художника С. Михайлова. При этом *Асламас* и *Тургай* перестали быть псевдонимами и перешли в разряд фамилий.

Чувашские псевдонимы, закрепляясь в региональном ономастическом словаре, участвуют в регионализации русского языка. Это происходит через наречение именами известных деятелей чувашской культуры городских объектов – улиц, Дворцов культуры, библиотек и т. п., например: *улица Эльгера, проспект Айги, Дворец культуры им. Я. Ухсая, библиотека им. М. Сеспеля.* Объем геонимов чувашского происхождения составляет около 18 процентов от числа всех названий улиц г. Чебоксары [Ерина, Камаева, Фомин, 2022, с. 25].

Выводы

Чувашские фамилии в течение трех веков претерпели значительные качественные изменения от исходной восточной татарско-исламской традиции до современной христианской (табл. 3).

Фамилии чебоксарцев каждая сама по себе не может явиться маркером чебоксарского регионолекта русского языка. В целом чебоксарские фамилии в силу своего простого отыменного происхождения могут быть осознаны в качестве обобщающего маркера.

Другим антропонимическим фактором, влияющим на спецификацию речи чебоксарцев, следует назвать фамилии-чувашизмы. Такого рода фамилии легко распознаются людьми, владеющими чувашским языком независимо от места пребывания, поскольку нередко возводятся к апеллятивам, или же в случае их агнонимичности просто обладают свойствами чувашского фонотаксиса.

Сочетание обусловленных православием отыменных фамилий типа *Иванов, Петров, Федоров* с фамилиями-чувашизмами типа *Садырга, Якку, Мулгачев, Кашкаров* создает своеобразный антропонимический фон функционирования чебоксарского регионолекта, усиливая впечатления о его качественных параметрах.

Христианские основы чувашского именослова выходят за пределы антропонимического словаря. Переход на православные антропонимы настолько прочен и всеобъемлющ, что в современных условиях практически все названия в чувашской среде ориентированы на русскую традицию. Существует прямая связь с действующим антропониконом и социолингвистической ситуацией в Чувашской Республике: русско-православные имена во многом формируют русский визуальный ландшафт региона – новые чувашские названия, как правило, не приживаются.

Список сокращений

Афф.– аффикс, мар. – марийский язык, мн. ч. – множественное число, офиц. – официально, рус. – русский язык, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык, чувВ. – верховой диалект чувашского языка.

[7] Фомин Э. В. Проверить алгеброй гармонию: статистический портрет чувашской литературы // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2017. С. 223–224.

Список литературы

Анисимова И. Н., Никитина А. Ю., Петрова О. А. О детской речи в региональном аспекте // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Том 17. № 2. С. 241-247. DOI 10.30914/2072-6783-2023-17-2-241-247. EDN MWCYLM

Гаврилова И. В. Актуальная чувашская лексика в русской речи жителей г. Чебоксары // Linguistic typology 2: проблемы лингвистической типологии и культуры. Ижевск, 2021. С. 59-64. EDN KLYYSO

CC BY

Ерина Т. Н., Камаева М. П., Фомин Э. В. Русские геонимы г. Чебоксары // Казанская наука. 2022. № 8. С. 23-25. EDN ZRTOGG

Семенова Г. Н., Якимова Н. И. Национально-культурные особенности прозвищ в системе антропонимики русского и чувашского языков // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола, 2022. С. 229-231. EDN YIPIAV

Фомин Э. В., Иванова А. М. Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность : монография. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2020. 140 с.

References

Anisimova, I. N., Nikitina, A. Yu., Petrova, O. A. (2023). Children's speech in the regional aspect. V*estnik of the Mari state university, 17*(2), 241-247. EDN: MWCYLM. https://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-241-247

Gavrilova, I. V. (2021). Actual Chuvash vocabulary in Russian speech of the residents of Cheboksary. *Linguistic typology 2: problems of linguistic typology and cultural studies.*, 59-64. EDN: KLYYSO

Erina, T. N., Kamaeva, M. P., Fomin, E. V. (2022). Russian geonyms of the city of Cheboksary. *Kazan science, 8*, 23-25. EDN: ZRTOGG

Semenova, G. N., Yakimova, N. I. (2022). National and cultural features of nicknames in the system of anthroponymy of the Russian and Chuvash languages. Problems of Mari and comparative philology., 229-231. EDN: YIPIAV

Fomin, E. V., Ivanova, A. M. (2020). Chuvash anthroponymicon of the 18th century: a different cultural reality., 140.

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович –
кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный институт
культуры и искусств,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Information about the author

Eduard V. Fomin – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.06.2025
Принята к публикации 08.07.2025
Опубликована 15.09.2025

Received 27 June 2025
Accepted 8 July 2025
Published 15 September 2025

CC BY

Научная статья

Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду)

https://doi.org/10.31483/r-149779
УДК 81'42+ 81'255.2:811.111-26

Яковлев А. И.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Резюме. Данное исследование посвящено лингвоаксиологическому и транслатологическому анализу двух рассказов ганской писательницы А. А. Айду и ставит целью выявление языковых и текстовых маркеров авторских языковых средств выразительности. Рассмотрению подвергаются 20 фрагментов текста, взятых из рассказов «For Whom Things Did Not Change» и «Other Versions», опубликованных в сборнике «No Sweeness Here». В результате лингвистического и стилистического анализа сильных текстовых позиций и аксиологически нагруженных фрагментов текста выявляются маркированные единицы всех языковых уровней (от фонетико-графического до синтаксического), которые затем подвергаются транслатологическому анализу с целью определения трансформаций, необходимых для передачи ценностных ориентаций писательницы в художественных переводах произведений на русский язык. По результатам исследования отмечается, что А. А. Айду выражает собственные ценностные ориентации при помощи различных средств выразительности, часто выступающих в отношения конвергенции; аксиологически нагруженными также являются интертекстуальные отсылки и заглавия. Текст оригинала значительно трансформируется при переводе, при этом некоторые изменения подобного рода нельзя назвать достаточно обоснованными. Тем не менее широкий набор трансформаций позволяет переводчикам в целом успешно решать задачу передачи аксиологически нагруженного текста русскому читателю.

Ключевые слова: художественный текст, художественный перевод, лингвистический анализ текста, лингвостилистика, лингвоаксиология, литература Ганы.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д'Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

Для цитирования: Яковлев А. И. Передача лингвоаксиологических особенностей художественных текстов как переводческая проблема (на материале рассказов ганской писательницы А. А. Айду) // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 29-36. DOI 10.31483/r-149779. EDN XEXRSA

Research Article

Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo)

Artem I. Yakovlev
Yaroslavl State Pedagogical University
Yaroslavl, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Abstract. The article is devoted to linguistic analysis of two short stories by Ghanaian writer Ama Ata Aidoo from the standpoint of linguistic axiology and translation studies. The research helps identify language and text markers of the author's expressive means in 20 contexts taken from the short stories "For Whom Things Did not Change" and "Other Versions" from the short story collection "No Sweetness Here". The axiologically filled contexts are identified based on the writer's system of values as outlined by Russian and foreign literary critics. The research suggests that it is possible to delineate various language units functioning on all levels of the language – from phonology and graphics up to syntax. The axiologically marked units are then analysed from the perspective of translation studies in order to understand how the writer's system of values can be expressed while translating her works into the Russian language. It is noteworthy that Ama Ata Aidoo uses a wide range of expressive means, often combining them, in order to convey her system of values. She also uses intertextual elements and titles for the same purpose. That said, the Russian translations of these short stories significantly transform the original texts, with some of these transformations being rather questionable. Nonetheless, the research makes it possible to assume that the system of transformations undertaken by translators helps them achieve the transmission of Ama Ata Aidoo's values in Russian texts rather successfully.

Keywords: text analysis, linguistic stylistics, linguistic axiology, literary texts, translation of literary works, Ghanaian literature.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the State assignment to Yaroslavl State Pedagogical University for 2025 from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic "Axiological foundations of the formation of students' value orientations within the framework of international academic mobility in higher education systems in Russia and West Africa (Ghana, Côte d'Ivoire)" (registration number 720000F.99.1.BN62AB84000).

For citation: Yakovlev A. I. (2025). Linguistic-Axiological Peculiarities of Fiction as a Translatological Issue (Based on Short Stories by Ghanaian Writer Ama Ata Aidoo). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(3), 29-36. EDN: XEXRSA. https://doi.org/10.31483/r-149779.

CC BY

Введение

Художественная литература, в которой отражается точка зрения автора, зачастую характеризуется высокой аксиологической нагруженностью, поэтому является богатым эмпирическим материалом, на основе которого представляется возможным выявить ценностные ориентации писателя как влиятельного представителя общества.

Кристина Ама Ата Айду (1942–2023) традиционно считается одной из наиболее значимых писательниц современной Ганы. Критики отмечают, что творчество А. А. Айду характеризуется чрезвычайным разнообразием: писательница публиковала как крупную прозу, так и рассказы; ее перу принадлежат пьесы, стихотворения, несколько произведений для детей. Среди основных тем, пронизывающих творчество автора, отмечаются осмысление места Африки в условиях колониализма и постколониализма, роль женщины в Африке. Придерживаясь идеи о том, что подлинная свобода Африки возможна только в случае раскрепощения сознания проживающих в современной Африке народов, А. А. Айду высказывалась о необходимости переосмысления места женщины в африканском обществе[1]. Писательница занималась не только литературным творчеством, но и общественно-просветительской деятельностью: так, в 1982–1983 гг. она была министром образования Республики Гана, а в 2000 г. основала Фонд Мбаасем (Mbaasem Foundation), оказывающий поддержку молодым писательницам Западной Африки.

Некоторые произведения писательницы переводились на русский язык и были опубликованы в антологиях «Современная африканская новелла», «Африканская новелла»[2] и др. В предисловиях к изданиям отмечается, что А. А. Айду пишет о необходимости нравственного очищения, которое актуально не только для молодых африканских стран, но и для всего мира, ведь коррупция и злоупотребление привилегированным положением – это проблемы, тормозящие развитие всего современного общества.

Творчество писательницы становилось предметом изучения в работах многих зарубежных исследователей. Так, К. Комбате и А. Моро рассматривают образ женщины и тему насилия в рассказах, опубликованных А. А. Айду в раннем сборнике «No Sweetness Here» («Ни капли сладости» (перевод заглавия сборника выполнен нами. – *А. Я.*) [Kombate, Moro, 2021]. Б. Ньямвиза фокусирует внимание на разнице в репрезентации женщин старого и нового поколений Ганы в творчестве писательницы и отмечает, что женщины нового образца – сильные, независимые, ищущие гармонию и возможности изменить окружающий мир к лучшему [Nyamwiza, 2023, с. 28]. В статье, посвященной памяти А. А. Айду, Р. Сакейфио выявляет основные темы и конфликты, получившие свое отражение в произведениях автора: растущую урбанизацию, вызовы нового, постколониального мира, влияние политического, социального, экономического контекста на жизнь современной африканской женщины [Sackeyfio, 2023, с. 1033–1034]. Идиостилю писательницы посвящена работа А. С. Кадеми, в которой рассказ «For Whom Things Did Not Change» рассматривается с позиции использования различных регистров для передачи культурных и социальных особенностей персонажей: так, Кобина, молодой доктор, характеризуется использованием грамотного английского языка в рамках разговорного регистра, в то время как Зиригу, главный персонаж рассказа, общается при помощи западноафриканского пиджина [Kademi, 2022, с. 45–47].

Несмотря на значимость творчества А. А. Айду для западноафриканской и мировой литературы, оно редко привлекало внимание отечественных ученых. Некоторые аспекты работ писательницы рассматривались в статьях Н. Ю. Ильиной[3]. Исследовательница отмечает, что в ранних рассказах автор обращает внимание на такие фундаментальные вопросы, как брак, любовь, семья, необходимость образования в условиях независимых африканских государств. М. А. Кузина изучает прецедентные феномены[4] и окказионализмы[5] в постколониальном художественном дискурсе, но использует произведения А. А. Айду в качестве материала для сплошной выборки, не анализируя рассматриваемые единицы в более широком контексте. В статье, посвященной необходимости использования родной литературы в рамках обучения профессиональному языку, Е. В. Астащенко отмечает роль христианских ценностей в творчестве писательницы [Астащенко, 2023, с. 82]. Представители Тюменского индустриального университета в рамках эксперимента работали над переводом поэтического текста А. А. Айду[6]. Ими отмечается, что в тексте писательницы содержится большое количество культурных отсылок, которые воссоздают в тексте тему преемственности поколений в ганском обществе, передачи древних традиций.

Вместе с тем произведения А. А. Айду не были предметом лингвистического и лингвоаксиологического анализа, также не рассматривались переводы малой прозы писательницы на русский язык с точки зрения транслатологии. В связи с этим определяется цель исследования – выявление лингвоаксиологических особенностей стиля А. А. Айду и трансформаций, необходимых при их передаче при художественном переводе на русский язык.

Данная цель подразумевает решение следующих

[1] Killam D., Rowe R. The Companion to African Literatures. Oxford : James Currey ; Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2000. 322 p.

[2] Айдоо К. А. А. Всякая работа есть работа… // Современная африканская новелла. Москва, 1972. С. 58–64; Айду А. А. Сестры, Телеграмма // Африканская новелла. Москва, 1987. С. 125–146.

[3] Ильина Н. Ю. Англоязычная художественная литература Ганы // Африка: слагаемые современного развития. Москва, 2014. С. 269–282.

[4] Кузина М. А. Особенности функционирования библейских прецедентных имен в англоязычном мультикультурном художественном дискурсе // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел, 2018. С. 255–259.

[5] Кузина М. А. Окказиональные многокомпонентные композиты как особенность идиостиля англоязычного писателя-мультикультуралиста // Казанская наука. 2018. № 6. С. 78–80.

[6] Агбей С. К., Никулина Н. А. Перевод поэтического текста как методический прием и факт межкультурной коммуникации // Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика. Тюмень, 2018. С. 231–236.

CC BY

задач: выявление текстовых фрагментов в рассказах А. А. Айду, отражающих ценностные ориентации писательницы; анализ языковых средств выразительности, позволяющих автору сформировать аксиологическую нагруженность текста и передать ее читателю; установление трансформаций, применяемых переводчиками при передаче аксиологически нагруженных фрагментов текста на русский язык.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили два рассказа А. А. Айду: «For Whom Things Did Not Change» («Перемены…») и «Other Versions» («Деньги для матери»). Данные рассказы были выбраны для исследования, так как они были опубликованы в одном сборнике «No Sweetness Here», представляющем раннее творчество писательницы, а также были переведены двумя разными переводчиками для литературного альманаха «Ганская новелла». При анализе рассказов рассматривались сильные позиции художественного текста: начало, конец произведения, заголовки[7]. Кроме этого, аксиологически нагруженные фрагменты текста выявлялись в соответствии с описанными выше ценностными ориентациями писательницы, установленными отечественными и зарубежными литературоведами.

Цитаты из рассматриваемых рассказов и их переводов, словарные дефиниции приводятся по следующим источникам: Aidoo A. A. No Sweetness Here. New York : Doubleday & Company, 1971. 156 p.; Ганская новелла. Москва : Известия, 1987. 160 с.; Cambridge Dictionary Online. URL : https://dictionary.cambridge.org; Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

В рамках исследования использовались общефилософские методы сравнения и наблюдения. Из общефилологических методов применялись структурный, дистрибутивный, семиотический, а также метод анализа языковых единиц в контексте их употребления.

Тексты А. А. Айду подвергались лингвистическому и стилистическому анализу, методика которых подробно описана в работе Н. С. Болотновой[8]. Также в рамках исследования применялся метод лингвистического комментирования[9], без которого невозможно рассмотрение языкового выражения ценностных ориентаций автора.

Принципы лингвоаксиологического анализа были определены Е. А. Гольцевой [Гольцева, 2022, с. 226–228]. Он заключается в выявлении маркеров – языковых и текстовых маркеров авторских языковых средств разных уровней (фонетико-графических, лексико-семантических, синтаксических), которые должны быть корректно интерпретированы с целью осознания и глубокого понимания авторских ценностных ориентаций. Таким образом, лингвоаксиологический анализ можно рассматривать как подвид лингвистического и стилистического анализа, в рамках которого обнаруживаются аксиологически маркированные единицы, позволяющие выявить ценности писателя.

При анализе перевода аксиологически нагруженных контекстов рассматривались стратегии и принципы перевода художественных текстов, представленные в работах В. Н. Комиссарова[10] и И. С. Алексеевой[11]. Основные приемы и трансформации, к которым может прибегать переводчик в процессе работы над художественным текстом, описаны Я. И. Рецкером[12].

Результаты исследования и их обсуждение

Рассказ А. А. Айду «For Whom Things Did Not Change» состоит из серии диалогов между Зиригу, темнокожим слугой и поваром, работающим в гостевом доме, его женой Сету и молодым доктором Кобиной, также темнокожим, представляющим новое поколение свободной Африки: согласно его мнению, в новых государствах не должно быть места социальной иерархии и устаревшим стереотипам. Как отмечается в литературоведческих работах, основной идеей рассказа является отсутствие каких-либо социальных изменений с приходом независимости: белые элиты сменились новыми, темнокожими, которые ведут себя таким же образом, как и их предшественники – берут в жены девочек, содержат женщин в незаконном рабстве, неуважительно относятся к старшим, оставляют своих же соплеменников без средств к существованию, а многие представители нового поколения – в частности, молодые девушки – подстраиваются под сложившиеся правила вместо попыток бороться с несправедливостью[13]. Писательница подчеркивает эту мысль, помещая в сильную текстовую позицию, в финал рассказа, риторический вопрос: *My young Master, what does "independence" mean?* 'Мой молодой господин, что значит «независимость»?' (здесь и далее подстрочный перевод выполнен нами. – *А. Я.*), в которой в контекстуальное противопоставление вступают лексические единицы *master* 'in the past, a servant's master was the man they worked for' (господин, в прошлом господин слуги – человек, на которого они работали) и *independence* 'the quality of being able to look after yourself and not need money, help, or permission from other people' (независимость – качество, позволяющее заботиться о себе, не требуя денег, помощи или разрешения от других людей). В переводе С. Россовской этот риторический вопрос звучит еще более эмоционально: происходит экспликация наивности Зиригу благодаря трансформации вопроса в косвенный и добавлению сочинительного союза: *Мой молодой господин, скажите, а что значит «независимость»?*

[7] Стрельцова Е. В. Сильные позиции художественного текста: начало и конец произведения (на материале произведений Р. Даля) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 1, том 1. С. 31–37.

[8] Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва : Флинта, 2023. 520 с.

[9] Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Флинта, 2022. 416 с.

[10] Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.

[11] Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, Москва: Академия, 2004. 352 с.

[12] Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. Москва : Р. Валент, 2007. 244 с.

[13] Mboyingingo C. Unanswered Questions, Unattended Quests. Ama Ata Aidoo's Short Stories // Telling Stories. Postcolonial Short Fiction in English. Amsterdam, Atlanta, 2001. P. 269–276.

CC BY

На уровне паратекста необходимо обратить внимание на заглавие произведения: в названии «For Whom Things Did Not Change» автор указывает на таких героев, как Зиригу и Сету – людей, для которых с началом независимости страны жизнь никак не изменилась. При этом используется эллиптическая конструкция – в заглавии придаточное относительное функционирует без референта. Грамматическое оформление заглавия может быть интертекстуальной отсылкой как к роману Э. Хэмингуэя «For Whom the Bell Tolls» («По ком звонит колокол»), так и к «Meditation XVII» («Медитация 17») Дж. Донна, послужившему прецедентным текстом для романа американского автора. С одной стороны, эллипсис позволяет писательнице увеличить дистанцию между читателем и героями ввиду отсутствия главной части предложения с референтом-указанием на них, но с другой стороны необходимо заметить, что в прецедентном тексте Дж. Донна содержится ответ на вопрос, обращаемый к самому читателю: *It tolls for thee* 'Он звонит по тебе'. Представляется возможным, что таким образом А. А. Айду вступает в диалог с читателем, намекая, что ситуация в обществе не поменялась не только для героев рассказа, но и для каждого из нас. В переведенном тексте, однако, интертекстуальная отсылка не сохраняется, а обнаруживается трансформация через антонимию («Перемены…»), которая делает указание на героев более имплицитным, в том числе благодаря используемой фигуре умолчания.

Как уже отмечалось выше, на текстовом уровне противопоставление между поколениями выражается при помощи намеренного столкновения идиолектов персонажей: Зиригу в своей речи использует пиджин (*You say make I com' wake you. Make I com' wake you for eight. Eight o'clock 'e reach.* 'Ты говоришь прийти и разбудить тебя. Прийти и разбудить тебя в восемь. Восемь наступило'); речь Кобины характеризуется преимущественно нейтральным регистром стандартного английского языка, но в одном случае он намеренно переходит на знакомую Зиригу разновидность английского (*But 'e be white man chop – Zirigu, I no be white man* 'Но это еда белого человека – Зиригу, я не белый человек' (в оригинальном тексте обе ремарки представлены с сохранением фонетических, лексических и грамматических особенностей ганского пиджина), что позволяет персонажу в разговоре с простым слугой эксплицитно манифестировать собственную принадлежность к тому же классу людей, тем самым нивелируя социальную иерархию. Так как передача такого противопоставления в переводе невозможна, происходит компенсация путем воссоздания сказового повествования: в частности, переводчица намеренно нарушает порядок слов, помещая обстоятельства либо в начало предложения, либо между подлежащим и сказуемым (*В мои года уж поздно с теми, кто выше стоит, фамильярничать начинать*).

Интересно, что уже в первой подглаве, с которой и начинается рассказ, писательница предвосхищает основной конфликт произведения, стирая грань между молодым доктором и его слугой. Это происходит благодаря параллелизму – троекратным повторам звукоподражаний, имитирующих стук в дверь, междометий, представляющих возгласы еще не проснувшегося Кобины, и графона *Massa*, воссоздающего искаженное произношение Зиригу слова *Master: Knock… knock… knock… <…> Massa, Massa, Massa… A-ha? A-ha? A-ha?* В переводе С. Россовской такие параллельные структуры сохраняются не полностью, а междометия полностью снимаются, из-за чего читатель не может в полной мере осознать отсутствие социальной дистанции между героями: *Тук… тук… тук… <…> – Масса, масса, масса… – Ну что такое?* Достаточно спорным переводческим решением кажется и транслитерация графона, который не подвергается переводческому комментарию и может быть понят читателем только к середине рассказа, где происходит подмена компонентов в речевом клише Зиригу (*мой молодой масса – мой молодой господин*).

Сету, жена Зиригу, по замыслу писательницы не знает английского языка, что отмечается Кобиной (*... with the few words of my language she knew…* 'используя те несколько слов моего языка, которые она знала'), однако ее прямая речь передается автором на английском языке с намеренной эмфатизацией: это проявляется, например, в риторических вопросах с отрицанием при описании молодого поколения (*Do they not come from homes? Have they not got fathers and mothers?* 'Разве у них нет родного дома? Разве у них нет отцов и матерей?'), анафорических повторах при критике молодежи и их родителей (*I spit upon such big men! I spit upon such mothers! I spit upon such daughters!* 'Я плюю на таких больших людей! Я плюю на таких матерей! Я плюю на таких дочерей!'), эмфатических конструкциях с *do / does* и парцелляцией при описании изменений в обществе (*No, my husband. But times do change.* 'Нет, мой муж. Но времена все же меняются'). В переводе эмфатические структуры сохраняются, но используются в соответствии с нормами языка перевода. Так, наряду с вопросами обнаруживаются восклицания с эллиптическими конструкциями (*И ведь не бездомные какие! Или у них отца с матерью нет?*), анафора в отдельных случаях сменяется повторами в других позициях, например, симплокой и анадиплосисом, что добавляет разнообразия речи Сету (*Плевать мне на господ таких, на матерей таких, на таких дочерей*). Наконец, эмфаза воссоздается в переводе при помощи отступления от обычного порядка слов (*Времена меняются, муж мой*). Все это приводит к смешению идиолектов Сету и Зиригу в тексте перевода: при передаче речи обоих персонажей используются сказовые особенности. Происходит значительное отступление от текста-оригинала: в переводе не сохраняется противопоставление пиджина Зиригу и речи Сету, представляющей собой преимущественно стандартный английский язык, но африканизированный путем привнесения в него характерных для фанте особенностей синтаксиса (порядка слов) и фразеологии (использования типичных для местного языка метафор). Тем не менее, этот контраст между идиолектами мужа и жены важен, так как он позволяет автору выразить собственные ценностные ориентации, касающиеся ролей мужчины и женщины в обществе [Kademi, 2022, с. 49].

CC BY

Именно через речь Сету со свойственной ей метафоризацией А. А. Айду выражает свое недовольство молодым поколением Ганы. В речи Сету юные девушки описываются с использованием фигуры сравнения и деперсонификации – частного случая метафоры, противоположного фигуре олицетворения: *He certainly did not bring one of those nasty pieces with their heads swollen outside and inside like the meat and feathers of overfed turkeys.* 'Он точно не привел одну из этих мерзостей, у которых головы раздуты снаружи и изнутри, будто мясо и перья перекормленных индюшек'. Здесь наблюдается конвергенция лексических средств выразительности: с одной стороны, девушки описываются как нечто неживое – *nasty pieces* 'неприятные образцы', что является окказиональным фразеологизмом *a nasty piece of work* 'a very unpleasant person' (неприятный тип), трансформированным путем усечения, а метафорический эпитет *swollen* 'раздутый' приводит к гиперболизации создаваемого образа. Такие конструкции с нанизыванием лексических и лексико-грамматических средств выразительности можно отнести к особенностям идиолекта персонажа, построенным на моделях, характерных для языков местного населения. Схожая метафоризация и метонимизация проявляется и при описании юного возраста девушек, готовых встречаться с пожилыми мужчинами ради собственной материальной выгоды: *…when young girls who have seen their blood not many moons gone, go sleeping with men who are old enough to be their fathers…* '…когда молодые девушки, увидевшие свою кровь лишь несколько лун назад, отправляются спать с мужчинами, которые по возрасту им в отцы годятся'. В переводе такие особенности передаются средствами выразительности, обнаруживаемыми в разговорном регистре русского языка: *И слава богу, что не привез какую-нибудь из этих расфуфыренных воображал… Индейки раскормленные.* В русском тексте фигура сравнения трансформируется в метафору, а вместо эпитетов используются разговорно-неодобрительные лексические единицы *расфуфыренный* и *воображала*. Фразеологизмы, построенные на метафоре и метонимии, сменяются контаминацией устойчивых словосочетаний, одно из которых является просторечным: *… мир, видно, перевернулся, коли девчонки совсем, молоко на губах не обсохло, а спят с мужчинами, какие им в отцы, а то и в деды годятся.* Хотя подобного рода трансформации путем замены снижают аутентичную образность в идиолекте героини, они сохраняют разговорный характер ее речи, при помощи которого передается неодобрительное отношение к девушкам, живущим по правилам, сложившимся в постколониальном обществе.

Сету – персонаж, через которого писательница в полной мере выражает свои идеалы, заключающиеся в стремлении к независимости и большему благополучию женского населения, находящегося в оковах не только колониального прошлого, но и сложившихся веками притеснения со стороны мужей. Так, например, героиня открыто противостоит своему мужу: *Since when did you start teaching me how to do my marketing? This is my job. A woman's job.* 'Когда это ты начал учить меня, как покупать товары? Это моя работа. Женская работа'. Ее недовольство нравоучениями Зиригу выражается путем использования риторического вопроса, в котором дополнение сопровождается дейктическим элементом *my* 'мой' – притяжательным местоимением, регламентирующим доминирующую роль Сету в домашних хлопотах. Вопрос сопровождается парцеллированными структурами, одна из которых является односоставным назывным предложением с эпифорическим повтором лексической единицы *job* 'a piece of work that you have to do' (часть работы, которую ты должен выполнить), намекающим на необходимость четкого разделения ролей. В переводе сохраняется вопрос, но парцелляция текста-оригинала трансформируется в бессоюзное предложение, что значительно снижает эмфазу в речи героини: *Ты еще меня учить будешь, что на рынке покупать? Я уж как-нибудь сама разберусь, это дело женское.*

Схожая идея о соотношении социальных ролей возникает в тексте позднее, уже в авторской ремарке, вынесенной в отдельную подглаву: *Dear Lord, what then is a black man who cooks and chores for black men?* 'Господи, кем же тогда является черный человек, который готовит еду для черных людей и присматривает за их домами?'. Этот фрагмент состоит из трех предложений, два из которых построены с повторением синтаксической модели – они являются сложносочиненными с обстоятельственными времени, а третье представляет собой риторический вопрос. В контексте подглавы автор рассказа выстраивает антитезу, построенную на антонимии *black – white* 'белый – черный' и *man – woman* 'мужчина – женщина', заставляя читателя самостоятельно ответить на вопрос о несуразности укладов, сформировавшихся в современных обществах независимых африканских государств. Также на себя обращает внимание вокатив *Dear Lord*, в котором слово *Lord* 'God or Christ' (Бог или Иисус Христос) необязательно соотносится исключительно с христианской догматикой, но может быть связано с любой из распространенных на территории Ганы религией – будь то христианство или ислам, представленный преимущественно на севере страны. Примечательно, что в тексте рассказа на русском языке этот текстовый фрагмент полностью опускается переводчицей, что невозможно рассматривать в качестве адекватной переводческой стратегии, так как подобного рода опущения нарушают концептуальную целостность текста и могут привести к неполному и недостаточному пониманию авторских ценностных ориентаций читателем.

Через религию демонстрируется и другая актуальная проблема, поднимаемая А. А. Айду в рассказе, – недостаточное, поверхностное понимание местных культурных особенностей как населением самой Африки, так и чужестранцами. Семья Зиригу и Сету – межконфессиональная: Зиригу исповедует христианство, а Сету – ислам: *Oh, Jesu preserve my soul. O Jesu! <…> Yes, my husband. Let us thank Allah for what he gives.* Можно заметить, что в диалоге с женой Зиригу обращается к Иисусу, используя вокатив, а Сету в ответ на ремарку своего мужа использует форму императива множественного числа.

CC BY

При этом обращения обоих персонажей к Богу происходят в рамках соседствующих в тексте реплик. В переводе сохраняются и императив, и формы звательного падежа, но для большей выразительности используется замена синонимами: *Боже сохрани! Господи, да что это ты, Сету, говоришь такое? <…> – Да, муж мой. Давай благодарить Аллаха за то, что дает он нам.*

Идея о многоконфессиональности Ганы возникает повторно ближе к концу рассказа, когда Зиригу обращается к Кобине: *She is a Moslem but I am not a Moslem. You people think all of us from the north are Moslems. It is because you do not know anything about the north.* 'Она мусульманка, но я не мусульманин. Вы думаете, что мы все с севера мусульмане. Это все потому, что вы не знаете ничего о севере'. В данном случае в речи Зиригу возникает антитеза, которая выражает неодобрение персонажа по отношению к окружающим, демонстрирующим слишком упрощенное понимание страны, в которой они проживают. Эта идея также подчеркивается вокативом *you people* 'вы, люди', в котором дейктический элемент указывает на поверхностность молодежи. В переводе С. Россовской данный вокатив, который не имеет эквивалента в русском языке, компенсируется изменением порядка слов: *Но я-то не мусульманин, хотя все и думают, будто на севере каждый верит в Аллаха. Это потому, что ничего вы о севере не знаете.* Замена позволяет сохранить критику Зиригу в адрес молодежи, но при этом и сохраняет особенности его идиолекта.

«For Whom Things Did Not Change», будучи построенным в виде небольших диалогов между персонажами, среди которых появляется лишь одна авторская ремарка, значительно отличается от рассказа «Other Versions», представляющего цельный монолог молодого человека Кофи. Юноша, обучающийся за рубежом, получает свою первую зарплату и желает поделиться ей с матерью, которая отказывается от денег и просит передать их главе семейства – отцу. Осознавая самопожертвование матери и не понимая, почему он должен делиться с отцом, не сыгравшим в его становлении значительной роли, Кофи чувствует себя потерянным и отстраненным. Чувствуя эту растерянность, молодой человек начинает относиться с почтением не только к своей матери, но и ко всем африканским матерям, сохраняющим гордость и бескорыстность в любых условиях. Через рассказ Кофи А. А. Айду также выражает свои взгляды на основополагающую роль женщины в ганской семье, ее готовность к самопожертвованию[14].

Идиолект персонажа характеризуется нормированностью и соблюдением правил стандартного английского языка, но вместе с тем в нем обнаруживаются черты разговорного регистра, что приводит к сокращению дистанции между персонажем рассказа и читателем: восклицательные и назывные предложения (*God!* 'Боже!'), междометия, характерные для ганского английского (*ei*, *eh*), прямые обращения к слушателю в виде вопросов с прямым порядком слов (*Because you know what?* 'Знаешь, почему?'). Эти особенности речи персонажа частично воссоздаются в переводе Е. Суровцева, однако иногда они перемещаются и трансформируются: к примеру, восклицание *God!* передается в переводе как *Черт подери!* Тем не менее, разговорный и искренний тон монолога Кофи в целом сохраняется в русском тексте.

На паратекстуальном уровне необходимо обратить внимание на название рассказа. На первый взгляд, оно не в полной мере соответствует содержанию текста и раскрывается только в ретроспекции – после прочтения. Лексическая единица *version* 'a particular form of something that is slightly different from other forms of the same thing' (особая форма чего-то, которая отличается от других форм этой же вещи) в контексте рассказа показывает новое отношение ребенка к своей матери, до сих пор не принятое в постколониальном обществе. По мнению литературоведов, «Other Versions», демонстрируя взаимодействие Кофи не только со своей матерью, но и с другими женщинами, оказавшимися в трудном положении, заставляет его в полной мере понять трудности, возникающие в семейной жизни. Более того, репрезентация женских образов в «Other Versions», дающая читателю надежду на постепенное переосмысление роли матери в семье, также контрастирует с другими рассказами цикла, в частности, трагическим «No Sweetness Here»[15]. В связи с этим представляется вполне логичным решение переводчика подвергнуть название рассказа трансформации путем замены с конкретизацией: название «Деньги для матери» в достаточной мере демонстрирует содержание рассказа вне контекста сборника, но при этом имплицитно выражает ценностные ориентации писательницы.

Когда мать Кофи узнает о том, что ее сын заработал первые деньги, в ее речи обнаруживаются различного рода эмфатические конструкции: междометия, риторические вопросы, лексические повторы, фигуры умолчания: *Ao, I too am coming to something in this world. Who would have thought it? <…> Now I too have got my own man who will take care of me…* 'Ого, я тоже приобретаю какой-то вес в этом мире. Кто бы мог подумать? <…> Теперь и у меня есть собственный мужчина, который позаботится обо мне'. При упоминании сына используется местоимение *own* 'belonging to or done by a particular person or thing' (принадлежащий или сделанный конкретным человеком или объектом). Интересно, что таким образом мать обозначает не своего мужа, который должен выполнять роль отца семейства, а сына. Вслед за этим она просит передать деньги отцу: *Hand it over to your father. He will certainly buy a bottle of gin and pour some to the ancestors.* 'Передай их своему отцу. Он безусловно купит бутылку джина и выпьет немного за предков'. Здесь неявно выражается отношение матери к своему супругу: с одной стороны, она требует уважения к нему, что подчеркивается императивной конструкцией, а с другой – через использование слова *certainly* 'безусловно', выражающего здесь эпистемическую модальность, намекает на пристрастие мужчины к алкоголю. При переводе этого фрагмента Е. Суровцев сохраняет междометия и эллипсис, но также включает окказионализмы и поэтические выражения, чтобы придать речи матери большую экспрессивность:

[14] Chetin S. Rereading and rewriting African Women: Ama Ata Aidoo and Bessie Head. Canterbury : University of Kent, 1991. 313 p.

[15] Pujolras I Noguer E. An African (Auto)biography: Ama Ata Aidoo's Literary Quest. Universitat Autónoma de Barcelona, 2010. 428 p.

CC BY

О-хо-хошеньки, наконец-то и мать за человека признали. <…> Появился-таки и у меня кормилец и поилец… Модальность в речи героини опускается и заменяется конструкцией с семантикой будущности, в результате чего понять отношение матери к отцу из-за нейтрального тона ее ремарки становится затруднительно: *Отдай их отцу. Он купит бутылку джина и окропит могилы предков.*

Будучи частью сплоченного общества, мать переживает за своего сына и понимает, что ему необходимо сохранять положительный облик среди окружающих: *Because then they shall not be able to say you have not given him anything since you started working.* 'Потому что тогда они уже не смогут сказать, что ты не дал ему ничего с того момента, как начал работать'; *All I want is for you to be happy and you shall not be if they say you are bad.* 'Все, что я хочу – чтобы ты был счастлив, но ты не будешь счастлив, если они скажут, что ты плохой человек'. Здесь интересно, что в речи матери другие люди обозначаются при помощи местоимения *they* 'они', что подчеркивает обезличенность толпы, мнение которой может как создать человеку репутацию, так и с легкостью разрушить ее. Следует обратить внимание на глагол *shall* 'должен, следует', который служит выражением положительной эпистемической модальности – полной уверенности матери в своих словах, основанных на ее собственном опыте. В переводе эпистемическая модальность заменяется на буломаическую: здесь можно видеть уже не уверенность героини в собственном жизненном опыте, а ее личные пожелания: *Мне надо лишь, чтобы тебе хорошо и счастливо жилось и чтобы о тебе не говорили плохого.* В данном случае решение переводчика кажется спорным, так как трансформация приводит к изменению образа героини: из уверенной в себе и умудренной опытом она превращается в обычную женщину, которая желает лучшего своему ребенку.

Кофи, как и его мать, неоднозначно относится к своему отцу, что можно проследить в зевгме, помещенной в состав параллельных структур: *Father pays the fees and complains all the time. Mother gets us clothes and feeds us too…* 'Отец платит взносы и постоянно жалуется. Мать достает нам одежду и тоже нас кормит'. Параллелизм с однородными сказуемыми позволяет читателю понять самоотверженность матери героя, но при этом и иронически иллюстрирует скупость отца, его нежелание расставаться с собственными финансами. Осознание несправедливости распределения ролей в семье выражается в речи Кофи фигурой эпизевксиса – моментального дословного повтора риторического вопроса с отрицанием: W*hy not Mother? Why not Mother? I kept asking myself* 'Почему не матери? Почему не матери? Я продолжал задавать себе этот вопрос'. В переводе параллелизм полностью опускается, но добавляется прямое обращение к матери, а эмфаза сохраняется в трансформированном виде – в качестве эпаналепсиса, фреймового повтора: *Почему не тебе, мама, почему?*

Будучи в США и видя в метро бедную женщину, напоминающую ему свою мать, Кофи испытывает сильное эмоциональное потрясение. Его эмоции передаются через парцеллированную конструкцию с лексическим повтором, при этом назывное предложение оформляется в отдельный абзац: *There was a black woman sitting to the left end of the opposite seat. Another black woman.* 'Напротив меня, ближе к левому краю, сидела черная женщина. Другая черная женщина'. Этот повтор полностью снимается переводчиком, но растерянность героя демонстрируется при помощи добавления авторских ремарок и фигур умолчания, отсутствующих в тексте оригинала: *Eh… eh… I come from Africa and you remind me of my mother.* – *«Э… э… – я не знал, как начать. – Я приехал из Африки… Вы напомнили мне мою мать…»*

В сильной позиции текста – завершающем предложении – изменение состояния героя выражается при помощи конвергенции синтаксических средств выразительности и привнесения перцептивной модальности с целью показать неподконтрольность эмоций, возникших у персонажа: *And as I stumbled through the exit, and up the stairs, I heard myself mutter, "O Mother".* 'Пока, спотыкаясь, я шел к выходу и поднимался по лестнице, я услышал, что бормочу: «О, мама»'. Синтаксический саспенс, построенный при помощи обособления обстоятельства места, нацеливает внимание читателя на модальную конструкцию и архаичный о-вокатив, выражающий почтенное отношение уже не только к своей матери, но и ко всем матерям Африканского континента. В переводе синтаксический саспенс создается при помощи обособленных деепричастных оборотов, но бурные эмоции персонажа также подчеркиваются синтаксически использованием фигуры умолчания после вокатива и лексически при помощи фразеологического оборота: *Чувствуя комок в горле, я бросился к выходу, бормоча на ходу: «Ах, мама!»*. Таким образом сниженная эмоциональность сказового повествования компенсируется переводчиком в заключительной части текста, что помогает читателю осознать и прочувствовать испытываемые Кофи эмоции.

Выводы

В рамках исследования были рассмотрены 20 аксиологически нагруженных фрагментов двух произведений А. А. Айду: 13 фрагментов рассказа «For Whom Things Did Not Change» и семь фрагментов рассказа «Other Versions». Выбор рассмотренных фрагментов текста был обусловлен их сильной позицией в рассказе – стремлением к равенству всех этнических групп людей, толерантному и доброму отношения к ближнему своему, равноправию мужчины и женщины в семейных отношениях и необходимостью поддержки женщин в тяжелых социальных и экономических условиях постколониальных государств.

По результатам анализа представляется возможным сделать вывод о том, что ценностные ориентации писательницы выражаются в текстах рассказов путем использования авторских средств выразительности всех уровней: фонетико-графических (графонов – намеренного изменения графического облика лексической единицы; эмфатической пунктуации, в частности, фигур умолчания); лексических (эпитетов, конвергенции метафор и метонимий, стилистически маркированных фразеологизмов); лексико-грамматических (фигур

CC BY

сравнения); синтаксических (парцелляции, нарушения порядка слов, синтаксического саспенса при помощи обособленных конструкций).

В текстах также встречаются не только языковые, но и текстовые маркеры авторских языковых средств. Так, ценностные ориентации А. А. Айду обнаруживаются в заглавиях рассказов, в интертекстуальных отсылках, а также находятся в непосредственной зависимости от образной структуры всего произведения, позволяя писательнице выразить свои идеи через взаимодействие идиолектов персонажей.

Перевод лингвоаксиологического наполнения текста-оригинала становится сложной задачей. При передаче ценностных ориентаций писательницы переводчики прибегают к различным видам переводческих трансформаций: перестановке и замене компонентов, антонимическому переводу, компенсации. Хотя некоторые решения кажутся спорными, в частности, недостаточно логичным кажется использование опущений в тех случаях, когда в них нет должной необходимости, в целом задача по сохранению аксиологической нагруженности текста-оригинала при переводе на русский язык оказывается решенной.

Список литературы

Астащенко Е. В. Родная литература как иллюстративный материал для разных курсов языка специальности (на примере африканской аудитории) // Язык и литература в зеркале литературы: образовательные практики: сборник научных трудов кафедры русского языка Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. Москва : ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина». 2023. С. 75-84. EDN MCTEFH

Гольцева Е. А. Роль лингвоаксиологического анализа текста на уроках русского языка // Наука и школа. 2022. № 4. С. 225-230. DOI 10.31862/1819-463X-2022-4-225-230. EDN KNKZDE

Kademi A. S. Language as a symbol of social status in Ama Ata Aidoo's "For Whom Things did not Change" // GNOSI: An Interdisciplinary Journal of Human Theory and Praxis. 2022. Vol. 5. № 1. P. 42-52.

Kombate K., Moro A. Gender-based violence in Ama Ata Aidoo's "No Sweetness Here" // European Journal of Literary Studies. 2021. Vol. 3. № 1. P. 137-148. DOI 10.46827/ejls.v3i1.310. EDN YQUCXX

Nyamwiza B. Representations of "The New Woman" in "Changes" and "Our Sister Killjoy" by Ama Ata Aidoo // East African Journal of Arts And Social Sciences. 2023. № 6 (1). P. 19-30. DOI 10.37284/eajass.6.1.1055. EDN QCHWPS

Sackeyfio R. Ama Ata Aidoo: Ghana's literary icon // African Studies Review. 2023. Vol. 66. № 4. P. 1031-1035. DOI 10.1017/asr.2023.82. EDN FONETH

References

Astaschenko, E. V. (2023). Native literature as an illustrative material for different language courses of specialties (based on the example of an African audience). *Language and literature in the mirror of culture*., 75-84. EDN: MCTEFH

Goltseva, E. A. (2022). The role of linguo-axiological analysis of a literary text in Russian language lessons. *Science and School, 4*, 225-230. EDN: KNKZDE. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-225-230

Kademi, A. S. (2022). Language as a symbol of social status in Ama Ata Aidoo's "For Whom Things Did Not Change". *GNOSI: An Interdisciplinary Journal of Human Theory and Praxis, 5*(1), 42-52.

Kombate, K., Moro, A. (2021). Gender-based violence in Ama Ata Aidoo's "No Sweetness Here". *European Journal of Literary Studies, 3*(1), 137-148. EDN: YQUCXX. https://doi.org/10.46827/ejls.v3i1.310

Nyamwiza, B. (2023). Representations of "The New Woman" in "Changes" and "Our Sister Killjoy" by Ama Ata Aidoo. *East African Journal of Arts and Social Sciences, 6*(1), 19-30. EDN: QCHWPS. https://doi.org/10.37284/eajass.6.1.1055

Sackeyfio, R. (2023). Ama Ata Aidoo: Ghana's literary icon. *African Studies Review, 66*(4), 1031-1035. EDN: FONETH. https://doi.org/10.1017/asr.2023.82

Информация об авторе

Яковлев Артем Игоревич – кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Information about the author

Artem I. Yakovlev – Cand. Sci. (Phil.) associate professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
Yaroslavl, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org

Поступила в редакцию 08.07.2025
Принята к публикации 21.08.2025
Опубликована 22.08.2025

Received 08 July 2025
Accepted 21 August 2025
Published 22 August 2025

CC BY

Научная статья

Проблемы обучения родному языку современных детей эвенов

https://doi.org/10.31483/r-149894
УДК [372.881.1:811.512.211](571.512)

Слепцов Ю. А.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
г. Якутск, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-6820-4216, e-mail: seva_may@mail.ru

Резюме. Работа посвящена изучению функционирования языка эвенов в современных условиях. Материалом исследования послужили наблюдения над процессом обучения родному языку эвенских детей. На основе метода теоретического анализа и обобщения педагогического опыта автором работы были исследованы и определены наиболее эффективные формы и средства обучения эвенскому языку. География исследования охватывает северо-восток Якутии, а именно: Момский (эвенский) национальный район. Малочисленный народ эвены, ранее известные как ламуты, живут на значительной территории северо-востока России. Они ведут кочевой образ жизни с постоянным перемещением от одного пастбища к другому, чего требует традиционный вид хозяйствования – домашнее оленеводство. В настоящее время эвенский язык находится в состоянии угрозы исчезновения, его функционирование сужается, а передача молодому поколению снижается. Учебники не всегда отвечают задачам обучения диалектам. В работе автором на основе метода теоретического анализа и обобщения педагогического опыта определяются наиболее эффективные формы и средства обучения детей эвенов. Представляется важным сохранить культурный контекст языка через воспитание, традиции, фольклор и активное его использование в социокультурной среде. Создание условий для системного и успешного обучения родному языку детей эвенов должно включать расширение сферы применения языка и его интеграцию в повседневную жизнь.

Ключевые слова: диалект, эвены, кочевой лагерь, родовое сообщество, эвенский язык.

Благодарности. Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ Якутский научный центр СО РАН.

Для цитирования: Слепцов Ю. А. Проблемы обучения родному языку современных детей эвенов // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 3. С. 37-40. DOI 10.31483/r-149894 EDN BJEIYJ

Research Article

Problems of Teaching the Native Language to Even Children

Yuri A. Sleptsov
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
Yakutsk, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-6820-4216, e-mail: tkordon@gmail.com

Abstract. This paper examines the functioning of the Even language in modern conditions. The research material is based on observations of the process of teaching Even children their native language. Using theoretical analysis and generalization of pedagogical experience, the author investigated and identified the most effective forms and means of teaching the Even language. The study covers northeastern Yakutia, specifically the Momsky (Even) National District. The small Even people, formerly known as Lamuts, live across a significant territory in northeastern Russia. They lead a nomadic lifestyle, constantly moving from one pasture to another, which is required by their traditional form of economy – domestic reindeer herding. Currently, the Even language is endangered; its use is declining, and its transmission to the younger generation is declining. Textbooks do not always meet the objectives of teaching dialects. In this paper, the author, using theoretical analysis and generalization of pedagogical experience, determines the most effective forms and means of teaching Even children. It is important to preserve the cultural context of the language through education, traditions, folklore, and its active use in the socio-cultural environment. Creating conditions for systematic and successful teaching of the native language to Even children should include expanding the scope of language use and its integration into everyday life.

Keywords: dialect, Evens, nomadic camp, tribal community, Even language.

Acknowledgments: The study was performed using scientific equipment of the Shared core facilities of the Federal Research Center 'YSC SB RAS'

For citation: Sleptsov Y. A. (2025). Problems of Teaching the Native Language to Even Children. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(3), 37-40. EDN BJEIYJ. https://doi.org/10.31483/r-149894

Введение

Обучение родному языку детей эвенов является первоочередной задачей, способной изменить катастрофическое состояние с языком. Данные переписей населения свидетельствуют о том, что из года в год уменьшается число людей, считающих родным эвенский язык[1] (табл. 1). Итоги переписи 2020–2021 гг. показали, что из 28 806 эвенов используют титульный язык лишь 3543 человека, что составляет 12 процентов от числа всех эвенов.

Некоторые исследователи считают, что сегодня на родном языке разговаривают всего 16,5 процентов эвенов. У эвенов также наблюдается угасание фольклора – исчезновение малых жанров, архаического эпоса, сказок [Шарина, 2022, с. 32]. Ситуация осложняется отсутствием учебников, в которых представлены диалекты той местности, в которой проживает ребенок эвен. Зачастую по этой причине дети не понимают того, что написано в учебниках.

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 томах. Том 13. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Москва : Статистика России. 2005. С. 12.

CC BY

Таблица 1. *Динамика владения родным языком у эвенов*
Table 1. *Dynamics of proficiency in the native language among the Evens*

Год переписи	Считают родным титульный язык, в %
1959	81,4
1970	55,5
1979	56,9
1989	43,8
2002	28
2020–2021	12

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили наблюдения над процессом обучения родному языку эвенских детей. На основе метода теоретического анализа и обобщения педагогического опыта автором работы были исследованы и определены наиболее эффективные формы и средства обучения. География исследования охватывает северо-восток Якутии, а именно: Момский (эвенский) национальный район Республики Саха (Якутия).

Результаты исследования и их обсуждение

В Момском районе проживают три разные группы эвенов, отличающиеся по родовым отношениям: дельянки, кункугир, мэмэльцы. Каждый род имеет своих выдающихся представителей. Так, выходцами Момского района были основатель эвенской литературы дельянки Н. С. Тарабукин, первый ученый и поэт из эвенов мэмэль В. Д. Лебедев и первый эвенский композитор кункугир П. Н. Старков.

Еще в 1952 г. в ходе экспедиции по Момскому району И. С. Гурвич подметил, что восточные эвены (улахан-чистайские и эселяхские), западные (догдо-чибагалахские) имели свои территории. Маршруты кочевок и территории промыслов восточных и западных эвенов, как правило, не пересекались. Есть сведения, относящиеся к концу XX в., в которых говорится, что «современные эвены более чем наполовину состоят из дельянов, долганов и уяганов. Именно они вобрали в себя наибольшее число юкагиров и коряков, а уяганы, вероятно, и часть эскимосов»[2]. До коллективизации среди момских эвенов ощущались сильные племенные различия. Восточные эвены мэмэльцы (мямяльцы) отличались от западных кункугирцев и дельянцев своей материальной культурой, особенно различимы отличия были в одежде (покрое передников, украшении шапок и т. д.) и обычаях. Современная ситуация характеризуется тем, что эвенская одежда модернизируется. Она становится «менее традиционной по крою и используемому материалу, но сохраняет знаковые декоративные элементы» [Хаховская, Вуквукай, 2020, с. 17].

Если сейчас отличия в одежде смягчены, то диалектные различия между восточными и западными эвенами сохранились до настоящего времени[3]. Например, эвены Момского района хотя и соседствовали с магаданскими эвенами, ольских не считали своими. Носители ольского говора себя называли ороченами[4]. Эвены Момы охотских эвенов называли намытканами (ламуткана-ми), если дословно перевести на русский язык – жителями побережья большой воды (моря)[5]. Показательно, что раньше на Севере первым приветствием было туох сонун? (какие новости?), затем хантан хааннаах, кимтэн киинээххиний? (из какого рода?), после этого начинался разговор. Эвенам важно было определить, а в основном определяли по диалекту, откуда приехал гость.

Необходимо отметить, что один и тот же говор можно встретить в разных регионах. Например, эвены Быстринского района Камчатского края поют песни, написанные Е. Боковой из Момского района Республики Саха (Якутия). Объясняется это тем, что ее песни соотносятся с местным говором, поэтому местные жители их понимают. В то же время эвенское население одного района в языковом отношении может относиться к разным говорам.

Рассмотрим эвенов Момского района Республики Саха (Якутия). Выше было отмечено, что в данном районе проживают их разные роды. Обратим внимание на некоторые произносительные различия: эвенД. насса ‘бусы’ – эвенМ. неһа, эвенД. осикат ‘звезда’ – эвенМ. оһикат, эвенД. һыссыки ‘внизу’ – эвенМ. һыкһыки, эвенД. буксы ‘лед’ – эвенМ. буккы; эвенД. һысси ‘голяшки’ – эвенМ. һыһы, эвенД. тууссы ‘туча’ – эвенМ. тууһы, эвендД. аһоски ‘куда’ – эвенМ. абохки.

Закономерно возникли проблемы с содержанием учебников эвенского языка и разговорным языком. В частности, нет учебников эвенского языка по отдельным диалектам или группам эвенов по месту проживания, например, эвенов Камчатки, Чукотки или Якутии (хотя в мире есть опыт разработки учебников по отдельным группам одного этноса, например индейцев США).

В настоящее время в школах рекомендован учебник эвенского языка, разработанный В. И. Цинциусом, К. А. Новиковой, Х. И. Дуткиным и В. А. Роббе-

[2] История и культура эвенов : историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Санкт-Петербург : Наука, 1997. С. 165.

[3] Гурвич И.С. Предварительный отчет об экспедиции в бассейн р. Индигирка. 1952 г. Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. Фонд 5. Опись 1. Дело 236. Л. 40.

[4] Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Москва : Наука. 1981. С. 5.

[5] Дегтярев А. М., Дегтярева Р. Г., Слепцов Ю. А. Эвены Момского района Республики Саха (Якутия). Якутск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2004. С. 4.

CC BY

ком[6]. Когда мы показали его старейшинам и носителям эвенского языка, они все в один голос ответили, что в учебнике совсем не тот эвенский язык, на которым они разговаривают. Язык, используемый в учебнике, был разработан на основе ольского говора. Данный говор распространен в Магаданской области, и в настоящее время его носителями является не более ста человек. Почему же учебник был выпущен в такой редакции? Можно попытаться объяснить это некоторыми наблюдениями. Так, ольский говор распространен в Охотском районе Магаданской области. Эвены этого района наиболее часто встречались землепроходцам и путешественникам, поэтому их образ жизни и, в частности, язык были исследованы больше, чем диалекты других групп эвенов. Одним из первых, кто упомянул их в своем труде, был Я. И. Линденау. В первой половине XVIII в. он описал их роды, верование, материальную и духовную культуру, а также ламутские (эвенские) слова. Это был первый эвено-русский словарь[7]. Позже, во второй половине XIX в., архиепископ Якутии, Камчатки, Алеутских островов и Северной Америки И. Вениаминов распорядился создать алфавиты местных народов, в том числе и эвенского. На основе распоряжения будущего митрополита Московского протоиерей С. Попов перевел «Евангелие от Матфея» на ольский говор эвенского языка.

В советское время в Магаданской области развивалась горная промышленность и это послужило фактором более тесного общения местного населения с приезжими. Для освоения территории местные жители – эвены – привлекались в качестве проводников, они помогали транспортировать грузы.

Для налаживания более тесного контакта трест «Дальстрой» в 1930 гг. привлекал к работе множество специалистов, среди которых были и лингвисты. Одним из них была будущий соавтор учебника «Эвенский язык» К. А. Новикова, которую пригласили в 1934 г. в Магадан. Она преподавала в педагогическом училище. Параллельно с преподавательской деятельностью К. А. Новикова изучала эвенский язык. В 1947 г. ею защищается кандидатская диссертация «Ольский говор эвенского языка». И так или иначе в советское время происходит формирование эвенского литературного языка[8].

Исследователи выделяли в Момском районе два отдельных говора – догдо-чебогалахский и улахан-чистайский[9]. В этой связи необходимо отметить, что В. Д. Лебедев (1934–1982) добивался издания учебников эвенского языка с учетом диалектных особенностей. Очевидно, что универсальный учебник не отвечает требованию сохранения родного языка.

Важными для школьной образовательной системы являются научные разработки. В 2021 г. издана работа, в которой описана фонологическая система и морфологический строй эвенского языка с учетом современных достижений и теоретических подходов [Бурыкин, Шарина, 2021], появились некоторые пособия, в том числе электронные [Петров, 2021]. Однако локальные потребности образовательной практики требуют постоянного методического совершенствования учителей и воспитателей.

В 2000 г. было принято решение об организации в Момском районе кочевого лагеря для детей. Основная цель лагеря – сохранить эвенский язык, а для этого необходимо было создать в местах кочевий благоприятные условия обучения детей эвенов родному языку. Первый же год работы лагеря выявил ряд сложностей: отсутствие изданий по детским играм, обрядам и обычаям момских эвенов. В результате в учебной деятельности учебник не применялся. Сами же школьники были невысокого мнения о качестве преподавания эвенского языка, поскольку их родной язык преподавался как чужой, непонятный им и их родителям.

Обучение родному языку в лагере осуществлялось следующим образом: учитель и наставники показывали предметы, объясняли его эвенское название и как предмет используется, чтобы в дальнейшем ребенок умел работать с этим материалом [Слепцов, 2022, с. 31].

В разные годы в кочевом лагере эвенский язык преподавали эвенская поэтесса Е. Н. Герасимова-Айнадь, З. С. Садовникова (обучала детей разговорному языку), учитель эвенского языка Улахан-Чистайской средней школы Е. В. Соловьева.

Е. В. Соловьева, принимая во внимание разницу учебника и разговорного языка, разработала свою методику преподавания эвенского языка, которая учитывает природные условия пребывания детей в лагере. Так, кочевая жизнь эвенов в виду его хозяйственной деятельности требует постоянного перемещения из пастбища к пастбищу за короткие промежутки времени, поэтому они не останавливаются надолго в одном месте, только в зимние морозные месяцы – декабре и январе – олени пасутся на одном месте. В летнее время, когда кочевой лагерь работает с оленеводами, кочевка проходит по горной тундре. В местности много речек, гор, перевалов, которые имеют эвенские названия. В нашем случае топонимы служат в качестве дополнительного средства обучения эвенскому языку. Детям объясняется значение топонима, рассказываются связанные с ним мифы и легенды, это облегчает запоминание самого слова и его значения.

Обучению эвенскому языку в лагере отводится один час, в ненастье, во время продолжительных дождей – почти весь день. Но нельзя нагружать детей одним теоретическим обучением языку. Главная задача состоит в том, чтобы ребенок практически слышал язык повсеместно и употреблял его, особенно когда работает с оленеводами. Занятия с детьми в раннем возрасте дают хороший результат, они легко усваивают новое.

Практика показала, что одним из самых эффективных средств обучения языку являются песни, а точнее музыкально-ритмическая деятельность. В этом смысле особенно выделяется круговой танец «Сээдьэ» («Һээдьэ»)[10].

[6] Эвенский язык : учебник для 2 класса / В. И. Цинциус, К. А Новикова, Х. И. Дуткин, В. А. Роббек. 8-е издание, доработанное. Санкт-Петербург : Просвещение, 1995. 192 с.

[7] Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) : историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.

[8] Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. С. 18.

[9] Там же. С. 9.

[10] Танцы народов Севера / составитель М. Я. Жорницкая. Москва : Советская Россия, 1988. С. 37.

CC BY

Сопровождается танец отдельными ритмическими выкриками и запевалой – ведущим импровизатором, которому вторят остальные исполнители. Учитель объясняет значение слов кругового танца, и дети запоминают их. Детям нравится, что круговой танец завершается энергичными движениями и быстрыми повторениями слов запевалы. Подобный прием применяется и в играх. Для усвоения эвенского языка учитель дает задание детям, чтобы они сами начали сочинять слова для кругового танца, так как запевалы каждый раз импровизируют, поют то, что видят, это дает большую пищу для фантазии. Кроме слов танца, дети сочиняют стихи. Подобный опыт очень ценен. Если в 2002 г. в кочевом лагере «Гарпанга» запевалой кругового танца «Сээдьэ» из 15 участников смогла выступить только одна девочка, то в 2024 г. уже любой участник кочевого лагеря мог быть запевалой.

Выводы

Каждая группа эвенов может выработать свою методику преподавания или подготовить учебник, который отвечает диалектным особенностям. Подобная проблема есть и у других северных народов, где до сих пор не учитывается специфика применения языка в повседневной жизни. В образовательной практике необходим учет опыта, наработанного в ходе борьбы с неграмотностью в первые годы советской власти.

Сокращения

ЭвенД. – эвены Дельянского рода; ЭвенМ. – эвены Мэмэльского род

Список литературы

Бурыкин А. А., Шарина С. И. Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология : монография. Новосибирск : Наука, 2021. 402 с. EDN ZURNHY

Петров А. А. Эвены арктической зоны Якутии и Чукотки: проблемы сохранения языка и традиционной культуры // Человеческий потенциал арктического региона: культура, наука, образование : монография. Москва : Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, 2021. С. 81-92. EDN JPYPJI

Слепцов Ю. А. Обучение эвенскому языку в кочевом лагере: проблемы и решения // Педагогика и просвещение. 2022. № 2. С. 28-34. DOI 10.7256/2454-0676.2022.2.38248. EDN LGCWXK

Хаховская Л. Н., Вуквукай Н. И. Эвенская этническая одежда: классический костюм и современная трансформация // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 17-26. DOI 10.24866/1997-2857/2020-2/17-26. EDN XYOXBY

Шарина С. И. Эвены: языковая и этнокультурная ситуация // Арктика: гуманитарные векторы развития : тезисы Международной конференции (Москва, 15-16 февраля 2022 г.). Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 31-32. EDN ZCEOMZ

References

Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021) Even language. Phonetics. Graphics and spelling. Morphology., 402. EDN: ZURNHY

Petrov, A. A. (2021). Evens of the Arctic zone of Yakutia and Chukotka: problems of preserving language and traditional culture., 81-92. Human potential of the Arctic region: culture, science, education: a monograph. EDN: JPYPJI

Sleptsov, Yu. A. (2022). Teaching the Even language in a nomadic camp: problems and solutions. *Pedagogy and education, 2*, 28-34. EDN: LGCWXK. https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.38248

Khakhovskaya, L. N., Vukvukai, N. I. (2020). Traditional clothing of the evens and its modern transformation. *Humanitarian studies in eastern Siberia and the Far East, 2* (52), 17-26. EDN: XYOXBY. https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-2/17-26

Sharina, S. I. (2022). The Evens: The language and ethnocultural situation. *The Arctic: Humanitarian vectors of development.,* 31-32. EDN: ZCEOMZ

Информация об авторе

Слепцов Юрий Алексеевич – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6820-4216;
e-mail: seva_may@mail.ru

Information about the author

Yuri A. Sleptsov – Cand. Sci. (Ped.), senior research fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6820-4216;
e-mail: seva_may@mail.ru

Поступила в редакцию 28.07.2025
Принята к публикации 22.09.2025
Опубликована 23.09.2025

Received 28 July 2025
Accepted 22 September 2025
Published 23 September 2025

CC BY